

ИРИНА СКИДНЕВСКАЯ

СПЯЩИЕ ХОЛМЫ

Ирина Скидневская

СПЯЩИЕ ХОЛМЫ

<https://litres.ru/74043488>

SelfPub; 2026

Аннотация

Нет ничего важнее Равновесия между людьми, муррами, Хранителями и Тахирами. Оно существует четыре тысячи лет. Но всё зыбко в странном мире Дубьюка, где магией владеют кошки, а люди из-за неё могут поплатиться жизнью.

Новые герои - новые приключения. Фанни с её очередной не выходкой, но ошибкой, таинственный провидец Аджит с пророчествами о мельнике и воскресшем мертвеце, неожиданные Человек и Кошка, Длит - карающая, но справедливая, новые подробности о похищениях детей и событиях осени - всё в третьей книге цикла.

Автор обложки Елена Захарова

Содержание

Часть первая. История Пита, мельника из Дубьюка. Прошлой осенью	5
Глава 1	5
1	5
2	11
3	22
4	28
Глава 2	32
1	32
2	43
3	61
Глава 3	63
1	63
2	72
Часть вторая. Лето	76
Глава 1	76
1	76
2	82
Глава 2	94
1	94
2	105
Глава 3	116
1	116

Ирина Скидневская

Спящие холмы

Часть первая. История Пита, мельника из Дубьюка. Прошлой осенью

Глава 1

1

- Пит с мельницы, мельница без крыльев!

Пит не мог обижаться, он и вправду родился в поместье с мельницей, у которой вместо крыльев было огромное колесо внутри высокого и мощного строения.

Мельница была не действующей. В забытые времена вода из подземного колодца, поступая в запруду, приводила в движение колесо у задней стены. Теперь же на месте запруды стояли несколько дощатых сараев, а два амбара, примыкавшие к главному зданию, были приспособлены под жильё и баню.

Эту неприступную обитель на высоком холме между городом и долиной, скрытую от людских взоров каменной оградой, только благодаря усилиям матери нельзя было назвать мрачной. Каждую весну Пит носил землю в клумбы на солнечной стороне двора. Мать выращивала в них зелёный лук, петрушку, салат и, конечно, цветы - вьющиеся лианы, её любимые петунии и душистый горошек. Как чудесный дар, у колодца в центре двора сама собой выросла яблоня, дающая в летний зной обильную тень, а осенью несколько корзин краснобоких яблок.

В особенно глухие и ветреные ночи маленькому Питу казалось, что он слышит тяжёлый стук жерновов и шелест зерна, струящегося в короба, и эти слуховые галлюцинации были настоящим кошмаром. Он боялся, что на ожившую мельницу вернутся водяной, русалки и прочая нечисть, которой его пугали приятели:

- Пит с мельницы! Обедает с чертями, ужинает с кошко-лаками!

Жили они с матерью бедно, а бедность многих толкает на рискованные поступки. В пятнадцать лет Пит тоже не избежал искушения.

Так уж повелось в Дубьюке, что в сезон ловли раков единственными хозяевами Алофы становятся янтарщики с их жестокими законами. В сезон раков целая армия дюжих молодцов дрейфует на плотках и лодках, вынюхивая по берегам браконьеров. Этим летом им и в голову не могло прийти, что

Пит совершенно случайно открыл способ добыть янтарника в обход правил и орудует у них под носом.

Как-то раз мать попросила накопать корней айра - его настойкой она лечилась, когда колело в боку. Разувшись, Пит набрал в прибрежных зарослях Алофы полную сумку пахучих корневищ, а когда на обратном пути переходил вброд неглубокую длинную протоку, кто-то вцепился ему в икру. Пит заорал от боли. Оказалось, его атаковал довольно крупный янтарник. Протока была слишком мелкой для раков, но с твёрдым дном и подходящими укрытиями. Пит никому не рассказал о случившемся, потому что сразу понял, что получил выгодное предложение от судьбы. Хорошенько всё обдумав, следующие восемь недель он вовсю пользовался открывшимися возможностями.

...В безлунные ночи река ярко освещена кострами на отмелях. Артельщики плавают туда-сюда на плоту мимо участка с его протокой, оставляя Питу совсем немного времени, но он успевает провернуть своё дельце. Янтарников не выманишь из норы разрезанной рыбкой или лягушкой на леске, им нужно что-то более привлекательное. Пит знает, что им предложить.

Расцарапав себе икру, он заходит по пояс в воду, и через несколько мгновений рак впивается в ногу. Начинается самое трудное. Оторвать от себя кровожадную тварь можно только с куском мяса. На берегу Пит залепит раны жгучей целебной кашицей, а сейчас нельзя кричать и выскакивать из

воды – убьют, нельзя ловить больше двух раков за ночь - истечёшь кровью. Иногда третий вцеплялся в него, когда Пит выходил из протоки, и нанесённая им рана была напрасной.

Поначалу Пит пытался хватать раков руками, но при первом же прикосновении юркие твари соскальзывали в тёмную воду. Тогда он стал ждать, когда рак уцепится покрепче. Уже слыша плеск плота и ленивые голоса артельщиков, Пит ковылял к кустам с прицепившимся к ноге янтарником, ложился и почти не дышал, когда артельщики проплывали мимо. Одного из них он знал, это был нелюдимый и замкнутый парень из его класса. Он даже звал Пита с собой в артельщики, обещая протекцию. А теперь, попадись Пит на браконьерстве, скормил бы его ракам в этой же протоке.

Обработав раны и завернув добычу в куртку, Пит отправляется в условленное место под обрывом. Наверху его ждёт скупщик. Они не знакомы и не видят друг друга в темноте, это главное условие сделки. Если кого-то обманут, разбираться будет посредник.

Пит кладёт раков в спущенную на веревке металлическую сетку, сетка взмывает вверх, потом спускается вниз, доставив завернутые в пластиковый пакет деньги. Со всеми предосторожностями, Пит возвращается домой.

За время такого промысла ноги Пита покрылись гнойными ранами, оставлявшими после себя грубо зарубцевавшиеся лакуны. Каждую ночь мать прощалась с ним навсегда, но её слёзы и уговоры на него не действовали - за двух янтар-

ников посредник давал годовую зарплату квалифицированного рабочего. Варить и пробовать раков, пойманных в Алофе, всё равно что есть ядовитую змею, зато из хитина панциря особым способом извлекали ценное вещество, продлевающее жизнь. Этим занималось предприятие, принадлежащее городу.

И вдруг кто-то другой нашёл дорожку в тальнике, по которой Пит ходил к протоке. Обычно он крался в темноте вдоль меток из белых окатышей, но в одну из безлунных ночей первые камешки оказались втоптаннами в землю. Пит не стал проверять, кто ждёт его в конце тропы, он тут же развернулся и ушёл и больше никогда не возвращался на то место. Ему ещё долго снилось, как прозрачно-медовые янтарники в необычайном возбуждении растаскивают на кусочки его тело, а артельщики с жадным любопытством наблюдают с плотов - раки товар безотходный, идут по весу, так что пусть попируют...

Вырученные деньги – приличную пачку бумажных купюр - Пит засунул в жестяную банку и спрятал в кухне под половицей, предварительно упаковав в непромокаемый пакет. Он затаился и - выжил в то тревожное лето. И снова повезло, взяли на стройку учеником каменщика. Работа была нехитрой, просто требующей исключительной выносливости. За семь лет Пит превратился в высокого широкоплечего парня и по здешним меркам считался неплохим женихом: к алкоголю он был равнодушен, и у него был скромный, но постой

янный доход. У девушек он пользовался успехом, но с жён-
итьбой не торопился, пребывая в твёрдом убеждении, что
жену следует привести не на мельницу, а в приличный дом.

А потом всё рухнуло в один день.

2

Осень в разгаре, с клёнов падают последние листья. Пит с напарником идут после работы домой - мимо двухэтажных многоквартирных домов, бесчисленных лавок и магазинчиков с вывесками, грубо намалёванными от руки. Под дощатыми навесами жарят на продажу мясо, шумно играют в карты, пьют пиво, веселятся. На скамейках сидят старухи. Из раскрытых окон доносится визгливая музыка и призывно глядят раскрашенные женщины.

- Смотри, вон та совсем девчонка, - сокрушённо говорит Николас, рослый парень с рыжеватыми волосами, собранными в хвост.

Пит не слышит.

- Эй, молчун! Плюнь ты на эту Дарину. Что ты в ней нашёл? Ты парень работающий, а эта вертихвостка ни на одной работе не задерживается. Не иначе, принца ждёт.

- И дождалась. Только это не я.

- Ну, и прекрасно!

Николас увлечённо рассказывает про какую-то книгу, которую читал всю ночь, и под его вдохновенный монолог они подходят к перекрёстку. Здесь их дороги разойдутся. До мельницы Пита полчаса ходу, а Николас живёт на соседней улице. Пит по-прежнему молчит, и Николас предпринимает последнюю попытку его разговорить:

- В зеркало давно смотрелся? Почернел, высох, как щепка. Нет, брат, тут особое лекарство требуется, раз сам не можешь справиться.

Пит устал от нотаций, но ему не хочется обижать друга. Да и возражать нет сил. И так всё, как в тумане, - звуки, лица...

- Ну? - бесцветным голосом спрашивает он.

- Есть у меня знакомая...

- Не хочу.

- Да погоди ты, тут другое! - Николас говорит тише. - Шептуха из долины. Надёжная. Одному человеку тоже лихо было, как тебе, так она ему быстро помогла.

- Хромому из второй бригады?

- Уже разболтали, черти... Понятное дело, без денег она работать не станет, придётся заплатить. Как у тебя с наличностью? Если что, я одолжу.

- А может, я не хочу излечиваться?

Эта мысль по-настоящему пугает Николаса, он передёргивает плечами, а уж плечи у него в дверь не пройдут. Вынырнув из полузабытья, Пит тоже пытается представить, что с ним будет, если он не справится со своей тоской.

- Не дури, брат, - говорит Николас. - Завтра выходной, выпишись, а часов в десять пришлю знакомого мальчонку, отведёт тебя в долину. Без провожатых туда не стоит соваться, сам понимаешь.

- Чего-о?

- Не пойдёшь один, вот чего.

- Плевать я хотел, - говорит Пит и равнодушно сплёвывает на землю.

...Дома у нижних выкрашены в радостные цвета, каждый двор любовно обустроен, сады и огороды ухожены так, что обзавидуешься. И везде цветы - на клумбах, на грядках, в горшках. Зачем им столько?

Шустрый малец привёл его к домику под соломенной крышей. Рамы чистейших окон, вдавленных в мазаные стены, лазоревые. К стенам цвета чайной розы прислонена деревянная лесенка, на ней сохнут пучки трав с лиловыми и жёлтыми соцветиями. Рядом в большом глиняном горшке пламенеет герань.

Поджав ноги, на пороге сидит хозяйка. Мальчишка сказал, её зовут Шани. Сказал и тут же исчез, Пит глазом не успел моргнуть. Эта Шани крупная и статная. Поверх цветастого платья фартук с оборками. В чёрных волосах, пучком стянутых на затылке, блестит седина. Пита раздражает обилие золотых украшений, которыми она увешана. Разве они скрывают вздувшиеся вены на руках, морщины и коричневые пятна на оплывшем лице? Уж лучше тогда носить золотую маску... Всё это проносится в голове, а женщина между тем смотрит на него так пристально, словно хочет разглядеть внутренности.

- Вспомни, сколько у тебя денег, - низким голосом говорит она.

Боль и сладость в этих воспоминаниях. Разом заныли все шрамы на ногах, которыми его наградили янтарники, но за кусачих тварей с драгоценным хитином Пит выручил основную долю своих сбережений.

- Раздели их на три части.

Горят сбитые пальцы и натёртые до мозолей ладони, шею ломит, в спину будто вогнали кол - не пошевелиться свободно. Пит думает о тысячах кирпичей, которыми выложил чужие дома, чтобы когда-нибудь построить собственный. По подсчётам денег уже хватает на три стены. Ещё несколько лет изнуряющей работы и самой жёсткой экономии, когда нельзя купить новые штаны или съесть на ужин кусок мяса, и можно строиться. Главное, что у него есть план, решимость и крепкие руки, а значит, его дом будет ничуть не хуже, чем на Зелёном Проезде: два этажа, просторная гостиная со столовой и кухней, спальня, комната матери и две детские. А может, даже три. И лужайка с клумбой перед домом. И крохотный бассейн, в котором будут плескаться дети. Его дети.

Голос Шани выводит его из задумчивости:

- Отдашь мне одну часть.

- Часть чего?

- Денег, конечно.

Пит угрюмо молчит, представляя, как рушится стена его дома.

- Вторую принесёшь, если не сможешь остановиться. Так бывает. Одно тянет за собой другое, понимаешь?

Он не понимает. Отдать ещё одну стену всё равно что вторую руку оторвать.

Её слова безжалостны, как челюсти янтарников:

- Если придёшь во второй раз, то придёшь и в третий.

Пит усмехается, он уже принял решение. Ничего она не получит.

- В четвёртый раз я приму тебя даром.

- А сейчас нельзя? Ну, как будто у меня ничего нет.

Она смотрит на него внимательнее.

- Думаешь, я для себя стараюсь? Без жертвы, без боли тебе не спастись.

- Что ты сделаешь с моими деньгами? - спрашивает Пит, чтобы придать разговору завершённость.

Ему в самом деле интересно, какая у неё корысть. У каждого есть право на мечту, даже если эта ведьма из долины спит и видит новые серьги или браслеты, которые достанутся её дочерям. Пит быстро подсчитывает в уме: три стены - три горсти золота. Да на ней и так уже полдома!

- Что я сделаю, - мечтательно говорит она.

Её взгляд устремляется на далёкий обрыв за его спиной, скользит по городским холмам. Там крошечные домики под черепичными крышами утопают в багрянце парков, а на башнях магистрата, достающих до неба, полыхают изумрудные и алые огни. В эту минуту солнце появляется в разрывах туч и высвечивает на смуглом лице Шани загадочную улыбку.

- Люди из города дадут мне поддержать котабрика, - говорит она.

Котабрик на языке местных - котёнок. Пит поворачивается и идёт прочь.

- Ходил? - между прочим спрашивает Николас, когда они, уединившись в обеденный перерыв, жуют бутерброды с вяленой рыбой.

Пит кивает.

- Ходил, но не по мне это.

- А что так?

- Слишком много старуха просит. Я сам справлюсь.

Шани, конечно, ещё не старуха, но Пит вмещает в обидное слово всю свою злость, правда, произносит его тихо - болтают, что ветер доносит проклятия до нижних и они возвращают их точно по адресу.

- Ну-ну, - говорит Николас, отирая усы от крошек. - Только смотри, Пит, как бы тебя не уволили.

Бутерброд падает у Пита из рук.

- За что?!

- Сам подумай. Хозяин опять интересовался, почему ты еле ноги таскаешь. И ребята недовольны, что наше звено отстаёт.

- Всем я поперёк горла, - с обидой говорит Пит. - И всегда так было. Почему, не понимаю.

- Если честно, это я тебя не понимаю. За семь лет ты про-

делал большой путь от ученика до мастера. Тебе бы держаться за место двумя руками, а ты раскис из-за какой-то девчонки. Ты мой друг, Пит, но мне надоело подводить бригаду. Помнишь, как ты пришёл к нам? Тебе сильно повезло, что взяли сразу в ученики.

- Я такой везучий, – кривится Пит.

- А я говорю, повезло! Да, на тебя всегда косо смотрели. И не потому, что плохо работал. Просто прыгнул ты в ученики сразу через несколько ступенек. Я рассказывал, как стал каменщиком? Мне ещё четырнадцати не было, мать привела меня на стройку и сказала: "Здесь, сынок, тебя сделают человеком. Не забывай почаще благодарить и, что бы ни случилось, помни, это для твоего же блага". Мне дали в руки лопату, и я сказал: "Спасибо". Первые четыре года рыл котлованы, таскал тяжеленные тачки с землёй. Потом повысили, на два года перевели месить раствор и заливать фундамент. Платили один мурр в день. Хватало на хлеб и пакет молока, а одежду мне покупала мать. Я не жаловался, в день получки говорил спасибо. Иногда прорабу казалось, что я работаю вполсилы, так он долго не думал, подходил и давал здоровенного пинка под зад. Потом я долго не мог сидеть, но помнил, что это для моего же блага, и прибавлял в работе. Если мы не укладывались в график, то пахали по ночам. Я по первости сильно выматывался, организм-то молодой, неокрепший. Иногда после смены не было сил пойти домой, оставался ночевать на стройке. Забыюсь, как бродяга, в гряз-

ный угол и сплю. Лицо прятал, боялся, крысы нос отгрызут, а я от усталости не сразу проснусь.

Николас хмурится, словно этот страх до сих пор его преследует.

- Мы надрывались как проклятые, Пит. Терпели, старались. И всё для того, чтобы в один прекрасный день подняться на стену класть кирпич. Мы все через это прошли. Спроси у ребят, если не веришь. А те, кто не сдюжил, - их с нами нет. Ты, конечно, можешь ко мне не прислушиваться - кто я такой, в самом деле? Но мой тебе совет. Ты, брат, с каменщиками не шути. Ещё до тебя прибился к нам один парень, сказал, что хочет потрудиться для людей и много брать не станет, всего полмурра в день. Представляешь? Два четвертака за целую смену.

- Из богатых?

- Да вроде нет. Мало ли чудиков по свету ходит. Все обрадовались, давай его на части рвать, а потом стало ясно, что и ссориться не надо, он за день успевал на три звена поработать. Силён был, как бык.

Николас замолкает и стряхивает со штанов крошки. Пит заинтригован.

- И что дальше?

- Плохая история... Через неделю подмастерья ударили его по затылку молотком, а тело выбросили в Алофу. Чтобы глупостями не занимался, не отнимал у других заработка. Столько лет прошло, а он до сих пор мне снится, живой, ве-

сѐлый... хороший парень со своей красивой мечтой. Так что решай, Пит, чего ты хочешь. Устал я врать про твоё больное плечо. Кто верит, кто нет, но злятся-то все одинаково. Никто не хочет терять деньги из-за чужих болячек. В общем, я тебе всё объяснил, не держи потом зла.

Пит растерянно смотрит на упавший бутерброд.

- Куда я без работы?

- Вот и я про то же, - дѐргая рыжий ус, хмуро говорит Николас. - Как другу тебе советую, Пит, выжги свою змею-тоску и живи спокойно. А деньги не жалея. Ещё заработаешь.

Они глядят на парочку, что вывернула из-за поворота: идут обнявшись. Юрас грузен от сытости, пылит башмаками, будто стадо коров. Издалека видно его лоснящуюся самодовольную рожу. Одет он роскошно: против робы Пита, заляпанной раствором, - синий костюм с галстуком, золотые запонки и модная шляпа пирожком. И Дарина зачарованно смотрит на него, такая красивая в коротком платье, что глазам больно. Позволяет лапать себя при всех - совсем ей, глупой, богатство отца Юраса свет застит. Но разве будет этот раздобревший свин, который в жизни не сделал ничего путного, любить её? Беречь?

Завидев Пита, сын бакалейщика по-хозяйски наматывает на руку золотистую косу Дарины, дѐргает, чтобы запрокинулась голова, и впивается в её алый рот толстыми, как пиявки, губами. Девушка шутливо отбивается.

- Пошли работать, Николас, - через силу говорит Пит. И

поднимается через силу.

...Вечером, когда он думал о прошедшем дне, в груди что-то мягко ворохнулось, как побеспокоенная сонная птица. Он решил проверить, что это было, и стал вспоминать, как Юрас целовал Дарину. Птица в груди встрепенулась, он окончательно разбудил её. Так Пит понял, где живёт и мучается его любовь. Тут, за грудиной, посередине.

Ночью боль усиливается.

У него узкая, но удобная кровать. Он не может лежать, садится на край. Не может сидеть - птица колотится в нём, страшнее янтарников раздирая плоть. Полная луна в квадрате окна наблюдает, как он сползает на пол и корчится от боли. Юрас целует Дарину, Дарина целует Юраса. Пит встаёт, ему кажется, что он обуглился. Впервые в жизни ему хочется закричать ночью. От таких диких помыслов даже птица в груди затихает - ночь не создана для громких звуков. Шёпот, вздохи, сладкие стоны - вот твои голоса, ночь.

Птица бьётся в тоске.

- Сейчас, - шепчет Пит.

Он крадётся мимо комнаты матери. Луна спряталась в тучах, во дворе темно. Ничего, он и с закрытыми глазами найдёт дорогу к сараю...

Пит снимает с гвоздя моток верёвки, перебрасывает конец через балку и трясущимися руками делает петлю. Балка старая, но должна выдержать. А деньги останутся матери. Хоть деньги останутся...

Внезапно слабое сияние освещает сарай.

- Давай, сынок... А я после тебя.

От неожиданности Пит вскрикивает. Мать в ночной сорочке и с фонарём в руках стоит в дверях. Она не плачет, но у неё не лицо, а маска скорби.

Пит стонет.

- Ма, ну зачем ты здесь?

- А ты?!

Он без сил валится на каменный пол, цепляет ногами какую-то рухлядь. Мать опускается на колени и, крепко обхватив его руками, начинает выть - страшно, как по умершему.

3

Прохладно, но солнечно. Шани расхаживает между грядок, обрывает с кустиков сухие стручки гороха и фасоли. Её радует погожий день, один из последних этой осенью. Она с удовольствием напевает и вдруг замечает у своего плетня Пита, такого исхудавшего и измученного, что у неё невольно сжимается сердце. Шани сокрушённо качает головой. Но ведь она знала, что он вернётся?

Они идут в яркий домик с соломенной крышей, и она громко говорит, что ценит его мужество. Кто-то спивается, чтобы дать выход эмоциям, кто-то идёт на преступление, а он, Пит, держится как мужчина. При этом Шани поддерживает его под локоть, чтобы он не упал, переступая порог.

Пит почти не соображает, ему трудно сосредоточиться на чём-то ещё, кроме боли. Едва он садится на широкую кровать, застеленную лоскутным покрывалом, в дверях появляется другая женщина. Она тоже увешана драгоценностями и как две капли воды похожа на Шани, только моложе и кажется полнее из-за маленького роста. Она с опаской глядит на гостя.

- Совсем молоденький, - говорит Шани. – Что скажешь, Навья?

- Даже не проси. О себе подумай. Его несчастье может перейти на нас.

- Не впустим.

- Нет! Ни за что не соглашусь! Ну, как ты не понимаешь, Шани? Меня ещё с прошлого раза трясёт, кое-как переломили...

- Ах, ах! Было и прошло.

- Кто он? Имя спросила? Привела неизвестно кого. - Склонившись над Питом, Навья заглядывает в лицо. - Как тебя звать, парень?

На всякий случай Пит молчит.

- Ну, что ты пристала? Он же не в себе, – мягко упрекает Шани, но Навья насеждает:

- Откуда ты? Из города?

- С мельницы...

- Мельник?! А если наши узнают, что у нас дела с мельником?!

- Он что, невидимка? Второй раз сюда приходит. Поможем, слышишь?

Навью мучают сомнения, Пита терзает боль, а Шани сочувственно цокает языком.

- Бывает, поправишь, и живёт себе дальше, с рубцом на сердце. А у этого... Взгляни, сестра. - Лёгкими прикосновениями Шани обводит лицо Пита, убирает со лба разлохмаченные светлые пряди. - Хорошо видишь? У него птица. Если не поможем, к вечеру умрёт. Пропадёт парень.

Сёстры отходят и совещаются в углу. До Пита доносятся гневные восклицания, стоны, успокаивающее бормотание,

обрывки фраз.

- Айлин узнает... отправили восвояси... умирать...

- Не боюсь я твою Айлин...

- Смелая...

Ясно одно, решается вопрос его жизни и смерти. Наконец сёстры возвращаются.

- Ну?! – восклицает Шани. - Говори при нём: мы дадим ему умереть?

Навья через силу мотает головой - нет.

- Хвала богам!

- Приступим, сестра, - умоляющим голосом говорит Навья. - Моя решимость на исходе.

- Где деньги, мельник?!

Пит подаёт Шани пачку, перехваченную резинкой. Она берёт, смотрит на Пита оценивающе.

- Тут не все.

Ведьма! Пит морщится, но ему слишком плохо, чтобы сопротивляться. Он лезет в карман за второй пачкой. Шани трясёт его перед его бледным лицом.

- Эй, эй! Хорошо понял? Твои деньги у меня! Больно с ними расставаться?

Ещё бы не больно. Плакать хочется, как больно.

Шани закатывает рукава своей свободной белой блузы. Вдохновлённая её решимостью, Навья торопливо запирает дверь, задёргивает шторы, изгоняя солнечный свет.

В центре комнаты стоит основательный деревянный стол.

Шани хлопает ладонью по выскобленной столешнице.

- Ложись на спину.

Пит кое-как поднимается с кровати, переваливается на стол. Шани расстёгивает на нём рубашку и указывает на птицу, бьющуюся в груди.

- Имя?

- Дарина.

Враг установлен, теперь его надо победить. Навья встаёт напротив сестры. Обе растирают ладони и делают лёгкие пассы над телом Пита.

- Ты отдал мне деньги, которые заработал потом и кровью. Много денег, целую кучу! Думай про них, - приказывает Шани, разжигая в его сердце другой костёр.

- Подожди, - хрипит Пит. - Я больше не хочу любить, никогда...

- Вот как! - Руки женщин зависают в воздухе. - Сам не знаешь, о чём просишь. Опасно это, парень, можешь совсем пропасть. На что тебе опереться в жизни, если в ней не будет любви?

- На работу обопрётся, – сердито говорит Навья. - Ему и так и так край.

Шани наклоняется к перекошенному от боли лицу Пита.

- Эй, а может, только твою Дарину изгоним?

- Нет, давайте подчистую. За что я деньги плачу?

- Деньги, деньги... Хорошо. Ладно. Мы наденем на тебя крепкую броню, в ней ты горы свернёшь. Но сейчас придёт-

ся потерпеть. Повезло тебе, парень, родился под счастливой звездой. Из-за неё и взялась помогать. Запомни, твоя звезда Альямантар.

- Альямантар, - повторяет Пит. - Помоги мне, моя звезда.

Шани склоняется к его голове, Навья к ногам. Вместе они читают заклинания на незнакомом языке, медленно сходятся и, как гвоздями, больно тычут пальцами в разные точки на груди Пита. Речитатив их становится всё более грозным, проходит целая вечность, но мучения Пита не ослабевают.

Шани сердится.

- Думай не про девчонку - про деньги!

Пит думает, но птица не собирается умирать. Она сильнее его страданий по потерянным сбережениям, сильнее заклинаний, сильнее их общих намерений.

Со всего маху Шани бьёт злодейку ребром ладони.

- Выходи, Дарина!

Её одутловатое лицо страшно, как у демона на картинке. Она снова бьёт его и выкрикивает знакомые и незнакомые женские имена. Пит задыхается, в груди у него будто рваная рана. Навье тоже плохо. Мокрым полотенцем она вытирает Питу лицо и надрывно твердит:

- Помогай, миленький!

Но Питу кажется, что битва с птицей бессмысленна и эта мука никогда не кончится. Из последних сил он издаёт безобразный вопль, не достойный мужчины. В подставленный таз из горла хлещет кровь, и Пит понимает, что птица умер-

ла.

4

Его руки снова налились силой. Он ловко постукивал кельмой, расстилая раствор, трудился, как раньше, перевыполнял норму. Но с лица навсегда сошла улыбка. Николасу всё чаще становилось не по себе, когда он встречался с напарником взглядом. Пит смотрел отстранённо, словно никогда и не было их многолетней дружбы, работы бок о бок, долгих разговоров о будущем. Теперь Пит не спрашивал, как Николас провёл выходной, не балагурил с ребятами в обеденный перерыв, просто сидел поодаль, как чужой. Убитая любовь что-то безвозвратно изменила. Пит выздоровел, но стала ли его вселенная ярче?

...В тот пасмурный день они только начали работать. Резкий ветер гнал по небу тучи, затенявшие бледное осеннее солнце.

- Всё, не могу больше, - внезапно сказал Пит и отложил в сторону мастерок. – Ухожу.

У Николаса запершило в горле.

- Куда?

- Не знаю.

С холма, на котором они вдвоем строили небольшой склад, была видна петляющая в тумане Алофа. На свинцовых волнах колыхались лодчонки под разноцветными парусами - синими, зелёными, красными. Сезон янтарников за-

кончился. Готовясь к зимней спячке, раки почти не выходили из нор, и бедноте разрешили кормиться на реке рыбой. Теперь на берегах копошились сонмы фигурок с удочками.

- Ты уверен, что тебе это нужно? Просто уйти, а там хоть трава не расти? – чувствуя себя виноватым, сказал Николас. – А как же твой дом, Пит? Ты же хотел накопить денег и строиться. Вам с матерью надо выбираться с мельницы, у вас даже электричества нет. Живёте на отшибе, как колдуны какие. Люди лишний раз боятся мимо пройти...

Пит вдохнул прилетевший из долины запах костров.

- Ты не поверишь, Николас, но я так давно этого не видел. Что же это за жизнь? Мне даже некогда посмотреть на реку.

- Многие так живут и не жалуется.

- Ты после работы пойдёшь к жене и детям. А у меня только мать.

- Тоже неплохо.

Нет, плохо. Неправильно. Пит не мог выразить словами, что чувствовал. Она родила его не для себя, не ради своей забавы. А чтобы его тоже кто-нибудь ждал. Но получается, всё это уже ни к чему. Вот ведь какая смешная штука.

- Может, не стоит торопиться, Пит? Да, работа тяжёлая, но она нас кормит. Заработок и стабильность кое-что значат.

- Не отговаривай. Задыхаюсь я здесь.

Николас совсем разволновался. Он до последнего надеялся, что Пит выговорится и снова возьмёт мастерок в руки. Но, похоже, у него твёрдые намерения...

- Ты прости меня, Пит! Я же хотел как лучше, думал по-дружески тебе помочь. Вот так помог, дурак...

- Зачем ты извиняешься? Ты меня от смерти спас.

Всё изменилось, думал Пит. До истории с Дариной каждый кирпич, который он брал в руки, имел смысл. Его будущий дом имел смысл. А теперь это рассыпалось. Было, и нету. И никто не виноват.

- Ты спас меня, - убеждённо повторил Пит. - Не переживай.

- Ничего, ничего, - бормотал расстроенный Николас, - здесь потеряешь – там найдёшь. Ты только ищи, Пит. Я тебя знаю, ты упёртый, всё прошибёшь, если захочешь.

С пугающей серьёзностью Пит обдумал его слова.

- Знаешь, Николас, хорошо, что ты у меня был. – У Николаса дрогнуло лицо, и Пит поправился: - Что ты есть. Я тебя никогда не забуду. Будь счастлив, брат.

- Может, вернёшься... Приходи, коли передумаешь!

Пит кивнул.

Николас смотрел, как его друг с убийственным спокойствием снимает испачканный раствором фартук, переодевается и складывает вещи в сумку, и на душе у него скребли кошки. Сильно скребли. Потом они пожали друг другу руки. Николас не решился его обнять, но когда Пит начал спускаться с лесов, крикнул:

- Улыбнись мне, Пит?

- Что?

- Улыбнись!

Махнув на прощание, Пит слабо улыбнулся. Николас от-вернулся и вытер глаза рукавом.

...Так Пит-каменщик снова стал Питом-с-мельницы. С этого дня он выходил из дома с единственной целью - по-смотреть на реку, впитать её, налюбоваться досыта. Когда-то он так же не мог насмотреться на Дарину. Путешествуя по обрывистым берегам Алофы, он словно хотел возместить то, что недополучил за годы, проведённые на стройке.

Отдых и длительные прогулки творили чудеса. Довольно скоро Пит перестал покашливать, его окостеневший позво-ночник обрел былую гибкость, и по утрам он больше не чув-ствовал себя разбитым. Когда Пит окончательно убедился, что принадлежит не хозяину, который отсчитывал ему мо-неты, не ведру с раствором или кельме, а тусклому осенне-му солнцу и ветру, дующему с реки, он решил, что пришло время посмотреть на людей.

Никто не считал Пита пропащим. Но, наблюдая, как этот симпатичный парень бесцельно бродит по берегам Алофы и живёт жизнью улицы - подрабатывает на разгрузке машин, торчит в сомнительных забегаловках, ввязывается в драки - самые разные люди понимали, что с ним происходит что-то не то, что зигзаги его жизни слишком причудливы, чтобы сохранить её устойчивость.

Так и вышло. Однажды Пит попал в серьёзный переплёт.

Глава 2

1

Холодные осенние дожди действовали на Сантэ угнетающе. По многу дней она хандрила, свернувшись клубочком в спальне, не вылизывалась и не разрешала Хозяйке к себе прикасаться. Когда доходило до того, что принесённые с кухни отварная курица или говяжья печень, любимые блюда Сантэ, оставались нетронутыми, Айлин приглашала ветеринара из Ассоциации - вместе поругать погоду, повздыхать и составить более привлекательное меню. И, конечно, они гадали, не беременна ли главная мурра.

Нынче Сантэ не удалось вдоволь настрадаться в межсезонье. Как-то днём повариха Виктория, обожавшая Господина Миша, пожаловалась Хозяйке, что не видела его семь дней и все глаза выплакала.

У мурра и раньше случались загулы. Айлин не подала виду, что обеспокоена, даже пожурила повариху за излишнюю тревожность, однако, поднявшись к себе в спальню, всё рассказала Сантэ и поспешила дунуть в золотой свисток.

Мурры прибежали один за другим. Сантэ высунула нос из-под пушистого хвоста, чтобы изобразить хотя бы минимальную заинтересованность, - любишь ты позднюю осень

или ненавидишь, кто-то ждёт твоего внимания.

Сердитый Ван, хотя его номер был шестой, явился первым и в новой шубе – сменил шерсть, но не цвет. Сколько Сантэ помнила, он искал подходящее заклинание, чтобы избавиться от ненавистного бежевого окраса. Сантэ могла бы ему помочь, но он никогда её не просил, а она терпеливо берегла этот козырь про запас. Покосившись на Айлин, с которой он всегда конфликтовал, Ван улёгся рядом с лежанкой Сантэ.

Робкая Нежная Миу, выбравшись из кошачьего лаза, поздоровалась и сразу к Хозяйке – ласкаться. За длинные лапы и выразительные глаза Ван звал её жирафой. Айлин тут же достала из комода щётку, на ручке которой было выжжено Миу, и, пока расчёсывала короткую голубоватую, в чёрных разводах шёрстку четвертой мурры, та успела пожаловаться Сантэ на свою нынешнюю хозяйку Таниту Бастет:

- Она ни капельки мной не интересуется!

- Ты всегда можешь уйти от неё, - преодолевая глубокое уныние, сказала Сантэ.

- А её муж? А внук? – жалобно возразила Миу. – Они-то меня любят, особенно маленький Нилли. Смена хозяина – это так хлопотно. Вдруг новый будет хуже?

Появилась округлая и уютная Мягкая Кошка Югаев. Все любили её гладить, а хозяин часто носил за пазухой. Усевшись на ковре рядом с Сантэ, она высунула кончик языка и замерла. Несмотря на придурковатый вид, который Мягкая на себя напускала, когда хотела расслабиться, она была ум-

нее и смелее многих.

В лаз протиснулась вымокшая до нитки Рыжая Кучка из дома Дрём-Лисов. Айлин разохалась, кинулась промокать полотенцем её свалявшуюся шерсть, но мурра вырвалась из объятий и принялась снова по ковру, разыскивая затерявшиеся в высоком ворсе мелкие вещицы.

Господина Миша прождали напрасно. Айлин нервно ходила взад-вперёд по спальне, потом подбросила в камин побольше дров. Когда огонь запылал и мурры легли к нему ближе, Сантэ спросила:

- Где мой?

- Так он и на твой зов не отзывается? – удивился Ван.

- Ни на чей. - Весь последний час Сантэ посылала во все концы страстные призывы, от грозного Придѣшь - уши оборву до жалкого Умоляю, вернись... - Неделю не появлялся на кухне, а значит, и в Спящей.

Нежная Миу испуганно захныкала.

- Миш любит сменить обстановку, - заметила Мягкая.

- Я видела на днях, как он шёл к лесу Ный, - не поднимая головы сказала Рыжая Кучка.

- Он там часто бывает. Ищет бодрящую траву у старого пруда. – Мягкая снова свесила кончик языка.

- Да, возможно, он там, - подумав, сказала Сантэ. – Тогда понятно, почему он не слышит, как я его зову. Лес Ный – место нечистое. – Сантэ вскочила на ноги и нырнула в лаз, оставив всех в замешательстве.

...Моросил дождь. Мурры долго трусили по тропинке и наконец нагнали Сантэ.

- Не ходи туда, это слишком опасно! – поравнявшись с ней, крикнул Ван.

- Я только до пруда и обратно... Посмотрю и вернусь, - ответила Сантэ, слегка задыхаясь. Она то шла, то бежала. – Хочу убедиться... Если ему где-то и грозит опасность, то там...

- Давай передохнём. Есть разговор...

Пятеро вымокших мурров свернули в беседку, увитую диким виноградом. В преддверии холодов его листья уже покраснели.

- Пожалуйста, прислушайся к нам... - переводя дух, попросила Мягкая. – Он вернётся... он же всегда возвращается...

- Семь дней... - Сантэ яростно вылизывала бока. – Не представляю, как я буду жить без него.

Нежная Миу тоненько завыла.

Мягкая с укором посмотрела на Сантэ и принялась умываться, тоже довольно нервозно.

- В чём я точно уверена, так это в том, что с ним ничего не случится. Во-первых, он под защитой Хранителей, во-вторых, он мурр, как и все мы. Позволь напомнить, не ты одна владеешь магией.

- Он болван каких мало, - с досадой сказала Сантэ. – Всё перепутает. В лучшем случае, засыплет врага цветами.

Помните, как однажды в День всех кошек он сделал нас крылатыми, а обратное заклинание забыл?

- Не могли по лазам домой попасть, - проворчала Мягкая.

- Я чуть с ума не сошла, пытаюсь справиться с крыльями, - простонала Миу. - Чуть забылась, а они уже хлопают, а я так боюсь высоты. И слуги между собой звали меня курицей.

Ван замурлыкал.

- А мне понравилось. Я тогда птиц объелся.

Рыжая Кучка промолчала, так как была занята обследованием беседки.

- Ну, вы поняли, почему я тревожусь, - сказала Сантэ.

- Нет, Миш смелый и прикончит своих врагов! – отставив хныканье, возразила Миу.

- С некоторыми из них не так легко справиться. А если он наткнулся на Стража и тот загнал его на дерево?

- Когда мне осточертели Ваны, я просидел на дереве несколько лет, - заметил Ван.

- Но не в лесу Ный! Мы ходили к тебе в гости. Миш из гордости не позовёт на помощь и будет сидеть там, пока не оголодает. А голодный, вы знаете, он не в себе и может всякого натворить.

- Тогда мы с Мягкой пойдём с тобой, - решительно заявил Ван. - От жирафы и Кучки толку не будет, а мы на что-нибудь сгодимся. Может, просто отвлечём Стража.

- Спасибо, друг. Ты настоящий кот, - сказала Сантэ, и Ван фыркнул от удовольствия.

Она была им благодарна, очень, но попросила ждать, на случай, если помощь действительно понадобится, а сама, преодолев глубокий лог, вступила в лес Ный.

Здесь царили полумрак и тишина. Кое-что изменилось со времени последнего посещения леса муррами. Так, на месте знакомой широкой лужайки появились полустёртые каменные ступени, ведущие в узкий проход между двумя деревьями. В разгар их войны со Стражем леса они с трудом вызволили Вана из похожей ловушки, и Сантэ пришлось отрастить ему переднюю лапу. Она хорошо помнила здешние ужасы: открытые колодцы, разверзавшиеся под ногами в самых неожиданных местах, куртины ядовитого плюща на земляничных полянах, мышей размером с кошку, и не сомневалась, что лес по-прежнему неистощим на безжалостные выдумки. Он всегда оправдывал своё название: тревожный, опасный, беспощадный. Всё неприятное, что заканчивается на –ный, - это про него.

Держа ушки на макушке, Сантэ пробралась по кромке леса к старому пруду, облазила вдоль и поперёк мокрые заросли и нашла только кошачью мяту да змеиные гнёзда. Тогда она призвала его особым способом, маскируя зов под птичье чириканье. И он откликнулся! Она узнала его! Полный боли хриловатый голос доносился из-за деревьев. Она бросилась туда.

Голос то приближался, то удалялся – возможно, её любимого Миша гнал по лесу Страж. Сама мысль об этом была

нестерпимой и подстёгивала Сантэ. Казалось, она вот-вот настигнет его... или их... Мелькнула большая тень, и она увидела тёмно-шоколадного кота, который убегал, заманивая её глубже в чащу. Конечно, это была грубая подделка. Всё-таки я нарвалась на него, с досадой подумала Сантэ.

Она резко свернула в сторону и понеслась к Древу, оплоту постоянства в лесу Ный. Уж его-то ни передвинуть, ни за сто лет не свалить... Ей повезло не угодить ни в одну из ловушек, и вскоре показалось само Древо, такое огромное, что бежать вокруг него пришлось бы полдня. Ветви его, как дороги, широки; один его красный лист укроет от непогоды тысячу кошек; спрячешься на нём – никто тебя не найдёт среди бесчисленных внутренних ходов и дупел. Но удивительнее всего то, что Древа, достающего до неба, не видно снаружи – ни издалека, ни с соседних холмов, ни с крыши самой высокой городской башни.

Отсекая её от Древа, наперерез метнулась тёмная кошачья фигура, но Сантэ успела применить излюбленный приём: в разные стороны порскнули несколько её двойников-фантомов, кошек с серо-голубой шерстью. Страж наверняка понимал, что ловить надо ту, что рвётся к Древу, и всё же замешкался. Ей этого хватило. Через мгновение мурра уже карабкалась по стволу, слишком твёрдому и гладкому, чтобы обойтись без подходящего магического умения. Она на ходу призвала Хранителя и, добравшись до голой нижней ветви, глянула вниз.

Под деревом ходило на двух лапах огромное существо с человеческим телом, в кожаной юбке с разрезами по бокам. Хорошо были видны его заросшие шерстью плечи и большая голова, похожая на голову львицы. Верхние конечности были разными: правая - лапа с острейшими когтями, левая - человеческая рука. Жёсткие чёрные ости топорщились, гребнем спускаясь по хребту. Этот демон, столь же древний, как сами мурры, как лес, который он сторожил, однажды возомнил, что может появляться на границе с поместьем и нагло бродить вдоль неё, но мурры пресекли это.

- Кошка, - подняв голову, прорычал демон.

Он исходил злобой, глаза горели жёлтым огнём. Наверное, вспомнил, как упал с дерева, гоняясь за ней.

Они одновременно заметили появившегося Хранителя. Сантэ осталось дожидаться, когда её защитник прогонит демона, тогда она сможет вернуться домой. Что ж, пожалуй, она убедилась, что Господина Миша нет в этой части леса, и вряд ли он ушёл дальше. И супруг Сантэ и Ван не любили вызывать Хранителей – сами с усами - но в критический момент прибегали к их помощи.

Хранители редко показывались муррам. Но, может, потому, что уже наступила ночь и в лесу было довольно темно, Хранитель предстал перед ними в ореоле света – его защитный слой, кокон, сиял. Это была высокая молодая женщина с тёмными волосами. Сантэ отчётливо видела её лицо и вдруг узнала женщину, которая когда-то спасла её. Она замаяка-

ла так громко, что женщина подняла голову и пристально посмотрела на неё. Радость узнавания была взаимной, глаза женщины увлажнились, она что-то прошептала.

Ходивший кругами демон воспользовался моментом и набросился на Хранителя, пытаясь зацепить когтями, - та бесстрашно парировала атаку: вырвавшийся из браслета яркий луч отбросил демона назад. Удар оказался чувствительным, демон взвыл от боли и кое-как поднялся, встав на одно колено. Хранитель мотнула головой, приказывая отступить, - он свирепо оскалился.

Это повторялось: демон поднимался с земли, ходил, примеряясь, и - наносил удар, который оказывался бесполезным.

Он не смирился с неудачами, простёр тяжёлую лапу к небу и зарычал, постепенно усиливая мощь своего рыка. Внезапно их накрыла тьма; небо со звёздами исчезло, словно демон призвал на помощь новые силы.

Прозрачный кокон Хранителя едва мерцал. Когда демон ударил по нему лапой, истончившийся луч Хранителя не смог противостоять, и когти, пройдя сквозь кокон, вонзились Хранителю в живот...

Сантэ слышала, как она кричит, насаженная на когти. Демон приподнял её, швырнул наземь и навис над ней, упиваясь её страданием. Защита Хранителя была нарушена, но магия мурров всё ещё не могла ей помочь, одно мешало другому.

Сантэ пронзительно завизжала, посылая в пространство

приказ:

- Прячьтесь! - И отключила защиту Хранителей над Дубьюком.

Когда кокон вокруг женщины окончательно погас, демон с радостным рыком ещё глубже погрузил когти в живот жертве. С раскинутыми руками и остановившимся взглядом, женщина затихла.

Сантэ совершила мощный прыжок с Древа и обрушилась на демона, но не сумела его сплющить, лишь сбила с ног. Он отвалился в сторону, успев скользнуть когтями по её боку.

Муррой овладела невообразимая, сумасшедшая ярость. Она нападала на врага, направляя на него всю мощь своей магии. Она не боялась за себя, не думала о запретах и последствиях – она мстила, и демон познал силу её мести. Теперь она кружила вокруг него, маленькая пушистая кошка, как перед тем кружил в своём жутком танце вокруг Хранителя он сам, полужверь-получеловек с душой демона.

Она подожгла лес вокруг. Начался ураган, трещали и падали деревья, сорванные с Древа листья носились в воздухе, как огромные красные полотнища. В демона летели кинжалы, с неба сыпались камни и пепел, земля под ним расползлась трещинами - он едва успевал уворачиваться, отпрыгивать, отбивать калечащие его удары, истекал кровью и беспомощно ревел. Напоследок Сантэ наслала на него тучу насекомых, и в его покрывшееся ранами тело впилась тысячи острых жал. Демон убрался в чашу, оглашая лес криками бо-

ли.

Наверное, она могла его добить, уничтожить, но отказалась от мысли о преследовании - ей стоило поберечь силы.

На боках засыхала кровь врага и её собственная. С опущенным хвостом, мурра приплелась к Хранителю. Жалобно мяукнув, она приблизила мордочку к застывшему лицу женщины, прислушалась, потрогала лапкой браслет на запястье - тот со щелчком раскрылся и соскользнул с руки. Женщина была мертва.

В горестном оцепенении Сантэ размышляла над тем, что за сила помогла демону победить Хранителя. Вмешался кто-то неизвестный, и ему был важен исход их противостояния – иначе к чему такая жестокость? Мурры уже дрались со Стражем, но никто никого не убил. У них не было такой цели.

Сантэ легла на истерзанное тело женщины, вытянувшись, живот к животу, и громко замурлыкала. Ураган и пожар стихли, небо очистилось от туч. Над городом взлетали к звёздам зелёные сигнальные ракеты; это происходило почти беззвучно - древний и таинственный лес Ный глушил звуки внешнего мира.

2

Пита охотно нанимали разгружать машины с товаром - он работал в полную силу и не подворовывал, и в тот день заработал достаточно, чтобы купить копчёной рыбы, к которой питала слабость его мать Марион. Так что по дороге домой он прошёл несколько кварталов до Нижнего холма, спустился к коттеджному посёлку «Розовый рай», за цвет фасадов прозванному в народе «Розовым адом», а там свернул к бару с подсвеченной вывеской. Вечерело, тёплый ветер приятно оведал лицо, в кармане бренчали монеты, и настроение у Пита было близким к приподнятому.

В баре былолюдно, звучала музыка, большая компания что-то бурно отмечала. Хозяин заведения вынес из подсобки свёрток с рыбой. Отношения у них были дружеские, Пит часто помогал ему с любым ремонтом.

- Свежая, сегодня привезли, Пит.

- Отлично!

Пит расплатился и уже собрался уйти, как к нему вихляющей походкой направился нетрезвый парень с кудрями до плеч и свежей ссадиной на лице.

- Вот же морда, своих не узнаёт! Друг, называется! Я же Крутец, в глаз печеньё! - Мёртвой хваткой он вцепился в Пита и потащил к своей компании. - В одной школе учились, я на два класса старше!

Крутец оказался из породы прилипчивых, как жидкое тесто, людей, вырваться из объятий которых нормальному человеку не представляется возможным. Если бы только Пит мог представить, во что втянет его этот друг, он как-нибудь отбил бы, но запустил ситуацию и не сумел вовремя ускользнуть. Очень скоро стараниями Крутеца он сделался пьян, что случалось крайне редко.

Его вывели на свежий воздух.

- Где моя рыба? – заплетающимся языком спросил Пит.

- Принеси, - сказал кто-то. – Так даже лучше. Он рыбу любит.

Питу повесили на грудь авоську со свёртком, вкусно пахнущим копчёностью, и после короткого провала в памяти он обнаружил себя в обществе Крутеца и незнакомого мужчины. Они втроём спускались под горку в неопознаваемом месте.

Ночь накрыла холмы, моросил мелкий дождь. Заросший травой склон сделался скользким, как каток зимой. Пит вывалился в грязи, ободрал ладони. Его не бросили – поднимали и тащили под руки. Пару раз его стошнило, и он почти ничего не соображал, только боялся потерять и постоянно нащупывал свёрток с рыбой. В какой-то момент ему показалось, что он умирает, - так скрутило. Второй их спутник, Тяж, злобно сказал Крутецу:

- Если не дойдёт, сам за него сработаешь, понял?

Питу влили в рот кислой жидкости из пузырька, от кото-

рой ему неожиданно полегчало, и спуск продолжился.

Крутец принялся хвастливо рассказывать про цель их похода, про пойманного кота и давно задуманный эксперимент.

- Много болтаешь, Крутец, - недовольным тоном сказал Тяж.

- Кота поймали? – засмеялся Пит. Зелье из пузырька его почему-то развеселило, и всё происходящее стало казаться забавным и необременительным. – Может, скажешь, породистого?

- Породистей не бывает!

- Мурра? Ха-ха! Да Хранители за него бошки поотрывают!

- Не бойсь, - ухмылялся Крутец, то поддерживая, то подталкивая Пита. – Сейчас придём в одно место под землёй, там надёжно, туда никакие Хранители не доберутся.

– Ага, вот под землёй и останетесь, и прикапывать не надо. Мурр с вами сам разберётся.

- Заткнись, - оборвал Пита Тяж. – Ничего с нами не случится.

Пит замолчал, но не потому, что так велел Тяж. Сквозь пьяное веселье пробились из памяти слова матери, не выносившей кошек и даже простых упоминаний о них.

- Кошки к большим проблемам, сынок. Никогда с ними не связывайся, - частенько наставляла она его маленького. - Если какая придёт на мельницу, гони, чтоб духу её здесь не

было.

- Почему? – робко спрашивал Пит. Ему всегда хотелось, чтобы у них жила кошка, пусть даже самая невзрачная. Он держал бы её на руках, гладил, играл с ней бантиком.

- Потому что кошки чёрта любят, – с неприязнью отвечала мать и, чтобы сын не расстраивался, добавляла: - Вот, возьми конфетку, родной.

Про чёрта страшно было даже думать. А ещё страшнее было другое. Однажды он подслушал, как мать сказала подруге, что кошка придёт на мельницу в день её смерти. Кто-то ей нагадал. Пит перестал гладить бродивших по улицам кошек и мечтать о них – страх за мать и вошедшая в кровь осторожность оказались сильнее удовольствия. Да и приятели чего только про кошек не рассказывали. Дёрни кота за хвост, и он тебя закинет куда подальше, а оттуда не выберешься. Один мальчик так сделал и очутился ночью на кладбище, ходил-ходил среди могил, а мертвец вылез и к себе уволок, чтоб не топал над головой. А бывают такие злющие кошки, захотят, порчу на тебя наведут или к ведьме заманят, а та замучает и на могилке огород разведёт. Правда, те, у кого кошки в семье жили, кошек нахваливали: они и хозяев лечат и дом защищают, и кто о кошках заботится, в раю окажется. А там исполняются любые мечты и длится счастливая жизнь вечно.

Вспомнил Пит и дразнилку, которой его замучили в детстве. На мельнице кошек отродясь не водилось, но, куда бы

он ни пошёл, вслед неслось:

– Мельник лаком, съел кошку с маком!

Приходилось кулаками доказывать, что никого он не ел, ни с маслом, ни с маком.

Одним словом, кошки тема серьёзная, но сейчас Пит ничего не мог сделать с накрывшей его волной веселья.

- Кошки чёрта любят, - сказал он, давясь смехом.

- Во-во! А чёрт где? На мельнице! Так что тебе видней, братила, тебе лучше знать, - задорно поддакивал Крутец.

Дождь лил и лил. Наконец спутники Пита разыскали на склоне неприметную дверцу с висячим железным замком.

- Пришли! - обрадовался Крутец, как и Пит, клацающий зубами от холода. - Поторопись, Тяж, а то я на водяного похож.

Дождь прекратился, и как по команде небо неожиданно взорвалось фейерверками зелёных сигнальных ракет. Они взлетали слева, справа, сзади, впереди - гремело, как на поле сражения. Крутец ошалело озирался.

- Это что? То самое, Тяж? Всё, как говорили? Хранители ушли?!

Тяж многозначительно усмехался, глядя на небо.

- Праздник, что ли? – спросил Пит.

Тяж провернул в замке ключ, который достал из кармана, и потянул на себя дверцу.

- Так, я домой, - только успел выговорить Пит, как Тяж грубо пригнул ему голову и толкнул в тёмный проход, сопро-

водив звучным:

- Пошёл!

Внутри оказалась лестница, ведущая вниз. Пит пересчитал все ступеньки. К счастью, свёрток с рыбой немного смягчил падение, защитив грудь.

- Жив, дубина? – донеслось сверху.

- Чего толкаешься?! – зло крикнул Пит, поднимаясь на ноги и потирая ушибленное плечо.

С характерным металлическим скрежетом дверь захлопнулась, и стало совсем темно. Загремел запираемый снаружи замок.

- Как это? Зачем? Эй, Крутец! – забеспокоился Пит. С него разом слетели хмель и веселье.

Вспыхнул свет фонарика – Крутец спускался по ступенькам.

- Здесь я, успокойся. Мы с тобой другой выход найдём, - покровительственным тоном сказал он и обвёл лучом фигуру Пита. – Чего скрючился? Замёрз?

Под землёй было ещё холоднее, чем снаружи, от каменных стен несло сыростью. О подземных лабиринтах ходила дурная слава, и почти протрезвевший Пит не понимал, каким надо быть дураком, чтобы добровольно сюда прийти. Проклиная свою беспечность, он поплёлся за Крутецом по довольно широкому коридору. Своды были высоки, не приходилось наклоняться, а кое-где были заметны уходящие наверх ходы, как будто там был второй этаж. У Пита чувстви-

тельно засосало под ложечкой, к усталости, ознобу и боли в плече прибавился самый настоящий страх.

- Не знаю, что вы там задумали, а мне до дому пора, - сказал он, глядя на маячившую перед ним спину и не узнавая собственный дрожащий голос. – Идите вы со своими экспериментами.

- Ага, считай, дошли. Пять минут, и там, - ответил Крутец не оборачиваясь и прибавил шагу.

Вспыхнувшая злость помогла Питу справиться со страхом.

- Эй, ты чего там бормочешь? Остановись, я с тобой разговариваю!

Крутец бросился бежать.

- Стой! – Пит ринулся следом.

Начались кошки-мышки. Пит не поспевал за резвым Крутецом, поэтому Крутец насвистывал и ждал, когда Пит найдёт его по звуку, после чего бег возобновлялся.

- Мы на месте! – крикнул Крутец, когда они очутились в комнате с несколькими выходами. Он сел у стены, на всякий случай держась от Пита на расстоянии и слепя его светом фонарика. – Спокойно, Пит! Передых.

Пит где стоял, там и рухнул, и вскоре не только отдышался, но и согрелся: в этой части подземелья от стен шло тепло. Он сердито взглянул на Крутеца.

- Ты что творишь?

- Слышь, чего скажу, Пит? – торопливо проговорил Кру-

тец. - Тут рядом комната, в ней мурр сидит. Так ты на всякий случай при нём не дёргайся, ладно? Мы с тобой его сейчас возьмём и отнесём в одно место.

- Мурра? Да ты рехнулся, придурок? Я ещё жить хочу!

- Ничего не случится, Пит! Он ручной, прикормленный! Я его даже гладил пару раз! Просто помоги, братила! Сдадим его и сразу на выход!

- Маме скажи, она поверит. Я тебя просил, чтоб ты меня сюда приводил?!

- Да это не я, Пит, это Тяж. Я тоже чутка лишнего выпил. Он меня уболтал, а потом свалил. - Глаза у Крутеца бегали, вид был виноватый. - А Хранителей не бойся, они отключились как раз сегодня.

- Врать не надоело?

- Клянусь, брат! Ты же видел зелёные ракеты? Гуляет Дубьюк!

Пит понимал, что без Крутеца выбраться из-под земли вряд ли получится и нужно прийти к соглашению.

- Ладно, допустим. К кому ката нести?

- Да есть тут рисковые люди...

- Вот именно – рисковые! – взвился Пит. - Зачем им мурр?

- А поспрашать хотят насчёт магии... может, чего у него попросят...

Пит колебался.

- Слушай, давай, ты всё это бросишь и мы вернёмся назад, к той двери, откуда пришли? Пока не поздно.

- Не получится, Пит. Дверь не выбьем. Ты же видел, Тяж её снаружи закрыл, а замок надёжный. Нам отсюда одна дорога, с мурром на руках... Не принесу - они меня прикончат... им это раз плюнуть...

- Кто - они?

- Подземщики...

- Так зачем ты с ними связался?!

- Денег занял, а вернуть не смог. Мой долг им перешёл. Они долги перекупают, слышал, поди? Отдам кота, и пусть отстанут. Так и скажу!

- Точно, скажи им. Они тебя сразу послушаются. – Пит подумал. - Ладно, мурра донести помогу, если он не против, но всё остальное без меня.

- Договорились! - обрадовался Крутец и вскочил на ноги. – Идём!

- Почему стены тёплые?

- Корни от старых железных деревьев гниют помаленьку, отсюда и тепло.

Ощутимо пахло кошачьим присутствием, но мурра в соседней «комнате» не оказалось. Мягкая лежанка была пуста, как и две миски, больше похожие на тазики.

- Видал бы ты, сколько этот кот-проглот ветчины слопал. Целую индейку за день. Заманили его сюда колбасой, ждали, вишь, что Хранители уйдут. Вроде, им гадалки нагадали. И ведь сбылось, в глаз печенье. И где он теперь?

- Это какой мурр?

- Главный.

Фонарик разрядился, и они долго ходили кругами в полной темноте. Пит боялся потеряться, поэтому не отходил от Крутеца ни на шаг.

- Как сквозь землю провалился! Теперь мне полный каюк. - Крутец едва не плакал. - Проклятый котяра... Надо его найти...

- Найдёшь тут, - злился Пит. - Тёмного кота в тёмном под-земелье. А к подземщикам как выйдем?

- Да есть у меня одна штука. Сигнал идёт, если двигаюсь в правильном направлении.

- Так пошли туда!

- Без мурра? Чтобы они меня сразу прикончили?

- Ну, вот кто ты после этого?! - выдохнул Пит. - Они же могут и меня с тобой заодно!

- Давай ещё поищем... поживём ещё...

- Да его давно след простыл!

- Нет, Пит! Здесь пространство большое, но закрытое, а чтоб самому выйти, с помощью своей котской магии, так он, говорят, слишком ленивый для таких дел. Спит где-нибудь. Может, храп услышим? Ты слушай, слушай...

Они походили ещё.

- Отдохнуть надо, Крутец. Весь день мешки грузил.

Пит сел, прислонившись спиной к стене. Крутец, пребывавший в чрезвычайно угнетённом состоянии духа, сел рядом.

- Знаешь, что для нас сейчас важнее всего, Пит?

- Покемарить...

- Верить в лучшее! Ты, главное, повторяй: помоги мне,

Великая Мау... Помоги мне, Великая...

- Дай поспать... - сонно пробормотал Пит.

- Належимся ещё в земле... - всхлипнул Крутец. - Помоги мне, Великая Мау...

Но помогла не Великая Мау, а копчёная рыба.

Сквозь сон Пит почувствовал, как кто-то тяжело навалился на него и пытается сорвать с груди сетку с рыбой. Сначала он подумал, что это Крутец окончательно спятил, но нащупал что-то мягкое и в панике толкнул Крутеца локтем:

- Мурр пришёл!

...Ориентируясь на маячок, что был у Крутеца, они повели за собой мурра, бросая ему кусочки рыбы, которая после падения Пита с лестницы и шатания по подземельям превратилась в кашу. К счастью, рыбы им хватило, чтобы добраться до одной из многочисленных решёток, перегораживающих в подземелье ходы.

- Добрались, - с облегчением сказал Крутец, мучимый, однако, и тревогой.

Из невидимых отверстий в сводах падал рассеянный свет. Мурр уселся возле решётки и принялся спокойно умываться - невероятный, огромный, со свалывшейся тёмной шерстью на толстых боках.

- Не кот, а кабан, - разглядывая его, потрясённо сказал

Пит. – Никогда таких не видел.

- А я тебе говорил, жрёт, как не в себя. Ну, где они все? – нервничал Крутец, лихорадочно нажимая кнопку на устройстве. – Только не болтай при нём лишнего, не спугни.

- Думаешь, понимает?

- Обыкновенная кошка и та кой-чего понимает, а этот за четыре тыщи лет, поди, все на свете языки выучил.

- Даже не верится, - пробормотал Пит. – Четыре тысячи...

- Нет, правда, убежит ещё. Надо его придержать, Пит. Бери его на руки.

- Сам бери, понял?

- Давай вместе?

- Ты сначала договорись с ним, - мрачно сказал Пит.

Крутец наклонился и заглянул коту в глаза.

- Господин... Вы, это, не против, если мы вас на ручках понесём?

- Мурр, - благосклонно ответил кот.

- Слыхал, Пит?

Появились двое мужчин с суровыми лицами, сквозь решётку молча разглядели пришедшую троицу; загремел отпираемый замок, и мужчины отошли подальше.

Крутец засуетился.

- Ты, Пит, с того боку заходи, а я с этого.

Они вдвоём подняли кота, при этом он завалился на спину, широко раскинув задние лапы. Держать его было неудобно.

- Подожди-ка... Дай я сам. - Пит взял мурра на руки, держа вертикально, как ребёнка.

Один из мужчин махнул рукой, призывая Пита и Крутеца следовать за ним. Второй пропустил их, прижавшись спиной к стене, и закрыл решётку на замок.

Пит нёс мягкое тёплое существо, похожее на тяжелую подушку, и удивительное чувство овладело им: трепет вкупе с удовольствием. Словно проникшись его настроением, мурр заурчал по-кошачьи, завёл моторчик. Пит с блаженством ощутил исходящие от него рокошующие волны.

Крутец шёл сзади и бормотал. Наверное, молился Великой Мау.

...Их привели в довольно просторный, немного вытянутый зал с колоннами по периметру. Рассеянный свет лился откуда-то сверху и был недостаточно ярким, чтобы разглядеть под капюшонами лица собравшихся здесь людей в серых плащах. Как только Пит и Крутец вошли вслед за мужчиной, все расступились, образовав круг. Человек тридцать, прикинул Пит, а может, больше, если стоят и за колоннами...

Крутец куда-то исчез, Пит с мурром остались одни в окружении незнакомцев.

Высокий крепкий мужчина выступил вперёд и заговорил. Пит не видел лица, но по голосу легко опознал Тяжа.

- Братья! Настал великий час! Послужим правому делу!
- Послужим! - решительно подхватили остальные.
- Чего вы хотите?

- Быть свободными!
- От чего?
- От зла! От кошек! – отвечал нестройный хор.
- Кто вы?
- Мы дети свободы!
- Освободитесь от кошек!
- Свобода! Свобода!

Всё это смахивало на подготовку чего-то более неприятного, чем просто разговор с мурром о магии, о котором говорил Крутец. Пит незаметно поглядывал по сторонам, намечая пути отступления, но пока не находил ни одной лазейки.

Тяж поднял руку, призывая к тишине.

- А теперь, братья, выскажемся, чтобы укрепить наш дух. Начни ты, Эрик. Я знаю, у тебя есть серьёзные претензии к этим существам.

- Я тут прикинул, - раздался справа от Пита молодой голос, – в верхнем городе тыщ десять человек... считай, семей две-три тыщи. Им пособия на кошек, а нам, бескотным, ничегошеньки!

- А нам это надо? – вкрадчиво спросил Тяж.

- Не надо?

- Нам не надо, – подтвердил Тяж.

- Не надо нам их денег... – не слишком дружно поддержали Тяжа вокруг. – Но им тоже нечего жировать!

- Я от кошаков чихаю и чешусь, - услышал Пит. - Пройдёт мимо, и глаза слезятся. Вот что за зараза от них?

– Мне дед рассказывал, кошки – скрытая угроза, - подхватил невысокий, стоявший рядом с Тяжем, судя по голосу, подросток. – В любой момент они могут показать нам своё истинное лицо, то есть истинные морды, и захватить Содружество!

Пит невольно усмехнулся.

- Смешно тебе, да? – сказал некто, с торчавшей из-под капюшона чёрной бородой. – А ты знаешь, что этого, которого ты держишь, видели в грозу? Обернулся чёртом и скакал, как чёрт!

Его слова всколыхнули всех.

- Кому ты говоришь? Он же мельник, ему чёрт родня!

- Живут по сто лет, а то и больше! Почему нам нельзя?

- А этот тыщи лет живёт!

- И кличут их скромненько – Прекрасными!

- Братцы, от этих Прекрасных и пошла кутерьма с магией и Хранителями! Они во всём виноваты! Продырявь его, брат! – крикнул бородатый.

Пит резко обернулся. За спиной, с ножом в руке неподвижно стоял Крутец, успевший облачиться в длинный серый плащ.

- Надо его проучить, Пит, - нерешительно сказал Крутец.

- Подойди поближе...

Мельник лаком, съел кошку с маком...

- Ага, щас, - сказал Пит и крепче прижал к себе мурра.

- Смелее, брат, - вполголоса скомандовал Тяж. – Правда

на твоей стороне. Видал, чем его кормят в Спящей? Ты таких деликатесов в жизни не нюхал, а он каждый день трескает.

Снова поднялся гвалт:

- Правильно! Наши лепёшки поели кошки!

- Полно кошке таскать из чашки!

- Поддай ему!

- Чтоб знал!

По бледному лицу Крутеца стекали капельки пота. Он потоптался на месте и мелкими шажками пошёл на Пита, шевеля выставленным вперёд ножом.

– Убери руки, урод, – сказал Пит.

Они принялись кружить, не сводя глаз друг с друга.

- Он молился Великой Мау! – указав на Пита ножом, крикнул Крутец.

На Пита обрушился град проклятий, а он вспомнил про свою звезду. Помоги мне, Альмантар...

Мурр зашипел, оскалившись. Крутец испуганно отпрянул, остальные попятились к колоннам.

- Должок, - негромко напомнил Тяж. – Всё спишется.

Уже бодрее Крутец шагнул вперёд и сделал резкий выпад. Пит увернулся, со всей силы пнул его по ноге, но ему самому подставили подножку и, падая, он инстинктивно схватил сиганувшего из его рук мурра за пушистый хвост. Раздался короткий кошачий визг, и внезапно Пит оказался под открытым небом, в луже на асфальте. И лежал так же, на боку, с вытянутой вперёд рукой.

Ошарашенный, он встал на четвереньки, потом на ноги и огляделся. На тротуаре вдоль шоссе, ведущего на главный холм, гневно фыркал и отряхивался мурр. Дёрни kota за хвост...

Что-то происходило вокруг, то ли беспорядки, то ли гуляния. В этот мглистый предрассветный час город не спал, на холмах всюду горели огни, завывали сирены полицейских машин и доносилось мелодичное пиканье электромобилей Ассоциации. Пит услышал характерные хлопки - где-то стреляли. Снизу на холм поднималась пьяная компания. Мимо Пита медленно проехал легковой автомобиль с тонированными стёклами и остановился чуть впереди.

Мурр потрусил к деревянному столбу кошачьего фуникулёра, встал, прикидывая, хватит ли у него сил взобраться по столбу к площадке, с которой кошки садились в возки. Высота была приличной, как и вес мурра.

- Я помогу, - сказал Пит и, подойдя к столбу, наклонился.

Мурр разогнался, прыгнул Питу на спину, оттуда на столб. Там ему пришлось приложить некоторое усилие, чтобы вскарабкаться наверх. Он кое-как уместился в возке, и вскоре заскрипел пришедший в движение фуникулёр.

- И вам спасибо, - сказал Пит, глядя вслед.

В автомобиле опустилось стекло, водитель спросил:

- Тебе куда, парень?

В светлеющее небо внезапно взлетела красная ракета, потом вторая, третья. Пит сел в автомобиль.

- Мне вниз.

Они развернулись и проехали мимо притихшей, уткнувшейся в телефоны компании.

3

Сантэ мурлыкала долго и вдохновенно. С первыми проблесками зари женщина тихо застонала, открыла глаза. Сантэ перекатилась на землю и поднялась на подгибающихся лапах. Воздух на мгновение задрожал, по чёрному лесу прокатилась невидимая волна - мурра восстановила защиту Хранителей. Через несколько мгновений небо расцветилось красными огнями сигнальных ракет.

...На рассвете из туманного парка Спящей вышла женщина в расстёгнутом чёрном пальто. За ней плелись такие же промокшие мурры, а главную мурру она несла на руках. Хейго вместе с другими охранниками усиленно патрулировал поместье и остолбенел при виде этой картины - Сантэ и Хозяйке-то не всегда позволяла брать себя на руки.

- Мне нужно к Хозяину мурров, - с лёгким акцентом устало сказала незнакомка, увидев высокого мужчину в форме.

- У нас Хозяйка...

- Имя?

- Госпожа Айлин Монца...

- Проводите меня к Айлин.

Хейго добило это Айлин. То, как держалась женщина, и её требовательный тон говорили о том, что она заслуживает особого отношения.

- Сюда! – Он повёл её к чёрному ходу. – Я открою, у меня

есть ключи. А что с Сантэ? У неё кровь?

- Нужно показать врачу. Хотя, я думаю, всё обойдётся.

- Я разбужу доктора Рица. Он только прилёт, мы тут всю ночь не спали. Как мне к вам обращаться? Я Хейго.

- Зовите меня... - Женщина запнулась. – Длит.

- Можете опереться на меня, если хотите, госпожа Длит, - предложил Хейго, и женщина с благодарностью кивнула:

- Очень кстати. Поддержите меня под локоть.

...Мурры издали увидели, что у чёрного хода сидит, безмятежно зевая, Господин Миш.

- Сантэ! Он пришёл! – пропищала Нежная Миу.

Когда они подошли, Сантэ, с трудом подняв голову,глянула с рук женщины вниз - на супруга, и снова закрыла глаза. У неё ни на что не осталось сил.

Пока Хейго возился с замком, мурры разглядывали раздавшегося вширь Господина Миша.

- Ты чего здесь торчишь, Мыш? Под дождём? – спросил Ван.

- Внутрь не может попасть. Ни в один лаз не проходит, - сказала быстро соображавшая Мягкая Кошка. – Великая Мау... Это где ж так кормят?

- Нигде, - косясь на женщину, отрывисто сказал Господин Миш и первым бросился в открывшуюся дверь.

Глава 3

1

В Дубьюке ещё долго рассказывали о том, что произошло в те несколько ночных часов отключения Хранителей. У Пита от новостей голова шла кругом. Судя по всему, ночь была безумной не только для него. Всюду стреляли, из ракетниц, из травматического и боевого оружия - и те, кто хотел поживиться за счёт кошек, и полиция и копы Ассоциации «Защита» – кошачьи полицейские. Дикому коту не нашлось работы: мурчи, которых всякие пройдохи приваживали как раз для такого случая, не пошли на контакт, попрятались. Зато на каждом углу торговали заклинаниями - настоящие или фальшивые, разбирайтесь сами. Многие из тех, кто владел даже самым простым заклинанием, не удержались от соблазна применить его. Ходили восторженные слухи, что кто-то серьёзно обогатился, обратив в драгоценные камни горсть обыкновенной земли. В верхний город прорвались две банды, жителям пришлось отбиваться самим, потому что полицейских нарядов не хватало. На рассвете Дубьюк наконец получил сигнал Хранители здесь, и в дело вступили те, с кем не договоришься.

- Что тут творилось, Пит! Вакс купил прыжковое заклина-

ние и заставил деда Чала подпрыгивать. Чего-то они на днях не поделили, - рассказывал Питу его приятель Ус.

- Вакс? Купил заклинание?

- Ну, не купил, попёр где-то, ещё давно. Чал подпрыгнул два раза, но дыхалка уже не та, упал на землю и давай сучить ногами. Мех-перемех... Никакой угрозы для жизни, Пит... моргал и кричал, старый пропойца. А Ваксу ка-ак дали! Не пойми кто не пойми чем. Типа электрошокером. Вакс полдня лежал в отключке.

- Ни за что? - не поверил Пит.

- Мамой клянусь! Лютовали нынче Хранители, чуть замазался – получай.

Таких историй было не счесть. Неуютно стало в городе, всюду рыскала полиция, копы. Пита не трогали, но он чувствовал, что до краев переполнен чужими страстями и улица вот-вот поглотит его. И тогда Пит-с-улицы вернулся домой.

Этому событию в немалой степени поспособствовало знакомство с владельцем книжного магазинчика господином Горном. Примерно через неделю после памятной ночи Пит разгружал машину с товаром и в благодарность был приглашен хозяином на чашку чая. Старичок оказался занимательным собеседником и поразил Пита манерами: при появлении женщин он вставал, не чесался прилюдно, не употреблял бранных слов и благодарил за самую ничтожную услугу. К тому же он научил Пита читать.

Конечно, грамоте Пит обучился ещё в начальной школе,

но уроки были до того скучны, а учителя занудны, что главными из школьных воспоминаний были драки и разборки после уроков. Только взглянув на Пита, господин Горн сразу определил, чего не хватает парню: тот был неглупым, сообразительным, но вопиюще невежественным. Первым делом он подсунул ему историю попавшего на необитаемый остров моряка. Пит открыл её из вежливости и - пропал. Видно, пришло его время распахнуть двери в другой мир. Отныне он глотал пачками фантастические и приключенческие романы, философские трактаты, читал словари и научно-популярные брошюры по географии, истории, биологии, физике, игнорируя математику с химией, которые внушали ему ужас. Поэзию и любовные романы Пит тоже не любил.

- Ну, Питер, - спросил как-то господин Горн, - какая книга тебе понравилась больше всего?

- Про моряка на необитаемом острове. Даже не знаю, смог бы я там выжить.

- Ты бы точно смог, уверен.

- Когда моряк покинул остров, на него по дороге напала стая волков... - Пит помялся. - Вот если б эти волки жили на острове, было бы интереснее.

Господин Горн улыбнулся.

- На его долю и так выпало немало испытаний.

- Да он сам хорош! Мог остаться дома и зарабатывать на жизнь чем полегче. Как ему родители советовали. Но его манили приключения, и он никого не послушался. А кошки?

Зачем он топил каждый выводок? Он же мог забрать их с острова на материк и продать с выгодой.

- Видишь ли, Питер, - сказал господин Горн серьёзно, - в тех краях были другие обычаи и кошки ценились не так высоко.

Питу очень понравился этот разговор. Понравилось, что его рассуждения интересны образованному человеку, что, рассказывая, он перестал размахивать руками и держался с тем же достоинством, что и господин Горн. Удивительно, как ловко у него стали выходить фразы, высказывать новые словечки. Раньше он сказал бы: "Несло его чёрт-те куда!" А теперь откуда-то возникло и само собой произнеслось чудесно-книжное манили приключения.

Впервые за несколько месяцев оставшись дома, Пит уселся в своей комнате в старое кресло у окна, выходявшего во двор, и просидел в нём до наступления весны. Он немного облегчил жизнь матери, днём подбрасывая в печку дрова.

Раз в неделю Пит отлучался в город, возвращаясь с сумкой продуктов и рюкзаком, полным новых книг и самых разных журналов из магазинчика господина Горна. Читал он быстро и жадно и не брезговал даже рекламными каталогами, пролистывая их от корки до корки.

...Сын вернулся на мельницу, и Марион, изнывавшая от тревоги и ненавидевшая его новую, беспорядочную и мало-понятную, жизнь, вздохнула с облегчением. Но шли дни, в воздухе запахло весной, в городе происходили страшные ве-

щи – пропадали дети, а Пит продолжал сидеть в кресле с книжкой в руках, и материнская надежда, что он вернётся на стройку, таяла, как сугробы во дворе. Пит отклонял все её попытки поговорить, отвечая одно и то же:

- Я устал.

- От чего ты устал? От безделья?

Он сделался вялым и молчаливым, по утрам, как чужой, говорил обидное: "Здрасьте..." Марион расстраивалась, плакала и однажды за ужином решила на серьёзный разговор.

- Пит, - сказала она сурово, - моё терпение лопнуло.

В некотором замешательстве он уставился на неё.

- Ты помнишь, кто я?

Он кивнул. От этого безразличного кивка её лицо закаменило ещё больше.

- Скажи! - с холодной яростью потребовала она. - Словами!

Пит, ненавидевший ссоры и женские упрёки, поспешил ответить:

- Ты моя мать.

- Слава богам! А то я стала сомневаться. Каша вкусная?

- Каша? - Он посмотрел в тарелку.

- Тебе вкусно?

- Да, - сказал он устало и на мгновение прикрыл глаза. -

Я пойду?

- Нет.

Марион взяла свою палку, с трудом поднялась с места и

поковыляла к плите, чтобы налить чаю. За последний год мать прилично располнела, к тому же, Пит помнил её черно-волосой, а теперь её пушистые волосы, собранные на затылке в аккуратный пучок, составляли классический контраст с чёрным платьем.

- У тебя волосы седые, - сказал он ей в спину.

- Надоело красить.

- Что-то я забыл, сколько тебе лет...

- Семьдесят пять.

- Не может быть, - пробормотал Пит. - Во сколько же ты меня родила?

- Хорошо бы сменить землю на грядках. Если ты мне не поможешь, боюсь, мы нынче останемся без зелени... и без цветов. Ноги опухают. Конечно, столько лет работать почтальоном. Такое бесследно не проходит.

- Тебе было пятьдесят три!

Её взгляд смягчился. Она кивнула.

- Настоящее чудо, правда? А ведь твой отец был старше меня на шесть лет. Мы всегда хотели ребёнка, и ты все-таки родился.

- Разве так бывает? Скажи, если я приёмыш. Я не расстроюсь.

Мать тихонько засмеялась.

- Да что ты такое говоришь, глупый? Ты же вылитый отец, и лицом и фигурой. Такой же красивый. Кровиночка моя...

Она подала ему чай, поставила на стол вазочку с пече-

ньем, присела рядом. От её злости не осталось и следа. Мать всегда была добродушной и терпеливой, и заставить её выйти из себя могла только очень веская причина. Похоже, я в самом деле провинился, подумал Пит.

- Отец выпросил тебя у мельницы, - без тени улыбки сказала мать. Пит хмыкнул. - Не веришь? Пей чай, пока не остыл.

Пит погремел ложечкой, размешивая сахар.

- Так что там за история?

Мать взглянула на него, вздохнула.

- Как ушёл с работы, совсем замороженный стал. Сколько ещё, сын, ты будешь сидеть дома и читать книжки? Надо возвращаться к жизни, иначе жизнь сама придёт к тебе, повернётся такой неприглядной стороной, что взвоешь. Давай, я поговорю с Николасом? Он хороший человек, поймёт. Вернёшься к ребятам на стройку...

- Да хватит уже, сколько можно? - беззлобно сказал Пит.

- Значит, вы мечтали о ребёнке?

Мать ответила не сразу. Сидела, опустив глаза, и теребила край передника распухшими в суставах пальцами.

- По правде сказать, уже и мечтать перестали. Отец на работе очень уставал, а потом и вовсе тяжело заболел.

- А кем он работал?

- Каменщиком, кем же ещё.

Пит подавился и пролил чай на штаны.

- Дай, по спине постучу?

Пит отмахнулся от предложения, прокашлялся.

- Как - каменщиком?

- Всю жизнь на стройке.

- Ты не говорила...

- А как бы я тебя устроила на работу? Григ помог. Они с отцом дружили.

- Григ с Зелёного проезда? Угловой дом с башенками?

- Он самый. Григ давно не работает, но знакомства-то остались. Он человек со связями. Если что, обращайся к нему, сынок. Ну, вот. Когда Стефан заболел, я пошла к знахарке в долину. Она сказала какую-то глупость, так мне тогда показалось. Пусть, говорит, твой муж почистит мельницу. Справится - не только, мол, здоровье вернётся, но и счастье привалит. С тех пор Стефан и копошился на мельнице после работы да в выходные. Приходит как-то среди ночи и давай на мне тесёмки рвать. Я спросонья перепугалась... «Что с тобой, ты спятил?!» - А он смеётся: «Аноэ, Марион! Аноэ! Просыпайся, во мне пробудилась мужская сила!» Принёс с собой какие-то пилюльки и уговорил меня их проглотить. - Бледные щёки матери порозовели. - Всю ночь не спали. Вот ты и завязался у нас после этих аноэ.

- Почему я его не помню?

- Убился он, - надломленным голосом сказала мать. - Ещё до твоего рождения упал с лестницы.

- Где?!

- Да на мельнице этой треклятой. Она дала, она и взяла.

Взамен тебя.

- Глупости!

- Может быть.

- Ты из-за этого запрещала мне туда заходить?

Мать печально кивнула.

- Счастливые были дни. Звучит невероятно, но мы со Стефаном помолодели. У него исчезли боли в спине, сошла седина, я забеременела. Беда приключилась перед самыми родами. После похорон я три дня лежала без движения, кормили с ложечки. Когда разрешилась, повитуха сказала: «Хитрая ты. Переносила ребёнка, звезду ждала». В чём тут хитрость? Какую звезду? Всё само собой получилось.

Потом они немного поговорили об убитой в Спящей крепости ведьме. Мать сама завела разговор:

- Говорят, зверем оборачивалась и на Хозяйку кидалась. Мурры её прикончили.

Мурры... Пит вспомнил дождливый осенний день и короткое мгновение счастья: он в подземелье несёт тяжёлого мурлычущего кота.

- Ты улыбаешься, Пит? Это не смешно, это страшно!

- Я о другом думал, ма, - поспешно ответил он. – Не обращай внимания.

2

Как-то утром мальчик принёс записку от господина Горна. Старик был старомоден и предпочитал переписку телефонной связи.

Дорогой Питер! Отправляюсь в деловую поездку и хочу заранее предупредить, что в моём магазине не осталось и календарного листка, не прочитанного тобой. Это и приятно и грустно. В любом случае, рад, что помог расширить границы твоих представлений о жизни. О, чуть не забыл. В твоём полном распоряжении сборники поэзии, составленные Скажителем, и учебники по математике. Дай знать, я отправлю посылного. Р.Горн.

В ответ потрясённый Пит торопливо нацарапал карандашом на записке: "Согласен на стихи".

На следующий день мальчик принёс то, что Пит называл стихами.

...Белокожей была девушка, с глазами, как ночь, с бровями тоньше стрелы, с нравом, как у тарантула. Пояс, расширенный серебром, длинная дудка и сердце, стучащее нараспев, да ещё большая любовь - вот всё, что было у Серке. Но разве этого мало?

К девушке гордой

Пришёл Серке, говорит ей:

"Будь женой моей, ладно?"

А она отвечает: "Нет,
Не буду твоей женой,
Не ладно.

Ты достань мне,
Серке, два камня
В уши продеть,
Два камня
Жёлтых, как глаза у кошки,
Чтоб и ночью они горели.
Тогда в юрту к тебе пойду я,
Тогда буду женой твоей,
Тогда - ладно".

Понял Серке, что не быть ему с красавицей, чьи пальцы легче, чем первый снег, трогающий лицо. Пошёл он прочь. День шёл, два, на третьей заре вышел к широкой воде, к светлой воде Аю-Куль. Вдруг слышит, кто-то громко мяукает. Оглянулся – дикая кошка барахтается в воде, вот-вот пойдёт ко дну. Бросился Серке в воду и спас кошку. Сел он у озера на камень, заиграл на дудке - осмеянный, несчастный Серке. "О чём ты плачешь, Серке?" – отряхиваясь, спросила спасённая кошка, тощая чёрная кошка с розовой мордочкой. Рассказал он ей о своей беде. "Кош, айналайын, прощай, мой милый", - промяукала кошка и в камышах колючих скрылась. Глядит Серке, а на земле лежат два ярких камня, два желтых кошачьих глаза.

Закричал Серке:

"Эй, кошка,
Дикая кошка, откликнись!
Ты погибнешь здесь, слепая, -
Как ты будешь
На мышей охотиться?"
Но молчало озеро,
Камыши молчали.

Поднял Серке глаза кошачьи, жгущие ладони, вернулся к девушке белой, как гусь, с нравом, как у тарантула, прицепил ей на уши два ярких камня, что не гаснут ни днём ни ночью. "Никуда с ними не скроешься, - сказал. - Сбылась твоя мечта, ты довольна?"

Если ты, приятель, ночью встретил
Бегущие по степи огни,
Значит, видел ты безумную,
Укрывающуюся от людей.
А Серке казахи встречали
И рассказывают, что прямо,
Не оглядываясь, он проходит
И поёт последнюю песню,
На плече у него
Сидит кошка,
Старая, дикая кошка,
Безглазая... 1¹

¹ Вариация «Песни о Серке» Павла Васильева. Серке - легендарный казахский певец, герой народных сказаний. Далее цитаты из произведений Павла Васи-

(Вариация «Песни о Серке» Павла Васильева. Серке - легендарный казахский певец, герой народных сказаний. Дальше цитаты из произведений Павла Васильева)

Пит изучил поэтические сборники с холодным любопытством человека, освободившегося от самой, пожалуй, хлопотной из человеческих страстей. Одно от неё беспокойство, думал он, страдания, ссоры, драки и убийства. И никаких гарантий - сегодня любишь, а завтра понять не можешь, что это было. И даже взаимная любовь не всегда бывает счастливой. Так зачем её вообще выдумали?

Поскольку запас лирики в магазине господина Горна быстро иссяк, а изучать математические трактаты Пит не согласился бы и под пытками, ему пришлось подыскать себе новое занятие.

Часть вторая. Лето

Глава 1

1

Опять приехал врач из Рицев – без предупреждения! Просто неслыханно! Симпатичный кудрявый человек возраста Эдама, слегка за тридцать, по имени Фабьен. Айлин отчаянно нуждалась в домашнем докторе, но не могла радоваться – перед глазами стоял родной сын. Естественно, она сразу позвонила этим Рицам:

- Кто вас просил?! Вы уже обманули меня однажды! И навсегда лишились моего доверия, это вы понимаете? Как - почему? Прислали сына и не предупредили! Пять лет не знала, кто он! Что – материнское сердце?! Да, не подсказало! Врача вашего отошлю назад! И не заплачу!

Всё это было невозможно – отказаться от услуг профессионала, любезного, скромного господина Рица и отослать не заплатив. Но Айлин хотя бы выпустила пар. Конечно, пусть работает, раз уж так вышло. Всему есть предел, но пусть работает. Давление скачет, пальцы хрустят, поясницу ломит, нервы никакие - у нового врача много забот. И она оставляет

за собой право проверить его геном, а то мало ли чудес на свете. Анализатор уже увезли на ремонт в даль дальнюю, но когда-то же вернут обратно?

...Поднявшись с первыми лучами солнца, Айлин невольно побеспокоила спавшую у неё в ногах Сантэ.

- Прости, дорогая...

Мурра сонно мякнула и осталась досматривать сны.

Виктория, статная, в белых переднике и колпаке, накрахмаленных до хруста, уже всю хлопотала на кухне. Она удивилась, увидев хозяйку в столь ранний час.

- Ой, госпожа Айлин... Доброе утро.

- Доброе. Мне бы кофейку, Виктория. Есть? - Улыбаясь, Айлин уселась за длинный обеденный стол у окна.

- Сварила первым делом, как опару завела. Сейчас, сейчас... - Повариха засуетилась, достала из буфета чашку Айлин и корзинку со вчерашней выпечкой.

- Посиди со мной, расскажи, как вы тут. Как Таечка?

- Конфетами объедается, и никуда от неё не спрячешь, нюх на сладкое - как у собаки. - Виктория подала Айлин кофе, налила себе и села напротив. - В остальном, вроде, всё хорошо. Мада Длит отправила Летку на курсы в Брамму... Ой, я не должна так говорить... Маду Лету отправила.

- Я всегда думала, Летка - её полное имя, - сказала Айлин.

- В Дубьюке много подобных имён. Получается, мы её унижали? Неприятно.

- Да она никогда не жаловалась...

- Немного неожиданно, что подчинённая стала твоей начальницей, правда?

- Вот и мада Длит спросила, сможешь пережить, проблем не будет? Я взяла денёк на раздумье, а потом изложила, что уже имею всё, о чём мечтала, а Летке нужно расти. Лете. Она расторопная, исполнительная, хорошо знает кухню. Кому же, как не ей, здесь заправлять?

- Я согласна. На своём месте Лета была незаменима.

Любимая помощница Викторией всегда всё делала быстро и с блеском. Кухня радовала взор: подвешенные над плитой медные кастрюли сияли чистотой; ножи прилипали к магнитной рейке именно в том порядке, как любила Виктория; всё на своих местах, и нигде ни пятнышка, ни лужицы – большего и требовать нельзя.

- Барри гоняет новых помощниц, но девчонки хорошие. Вот подучится мада на курсах и будет не хуже некоторых составлять меню, закупать продукты и нами руководить. А насчёт того, что мне придётся называть её мадой, так мы уже договорились. Она не хочет обращаться ко мне по имени, будет звать, как раньше, - помявшись, сказала Виктория. – Мадой.

Айлин широко улыбнулась.

- А ты?

- А я тоже буду звать её мадой! Уже зову, и ничего, язык не отвалился. Вот, велела в колпаке готовить. Непривычно, но надеваю.

- Умница, - похвалила Айлин. – И эти маковые рогастики очень вкусные. А как Мир Багорик?

Виктория помрачнела.

- Видно, что их тянет друг к другу, но она держится на расстоянии.

- О... Вообще-то, я хотела знать, как ему у нас работается. - Виктория всплеснула руками, раздосадованная своим промахом, но Айлин поспешно сказала: - Говори, чего уж теперь. Так значит, у них с Летой взаимная симпатия?

- Честно, не знаю, что из этого выйдет, госпожа Айлин, - удручённо сказала Виктория. - Я за неё очень переживаю, засиделась она в девках. Миру Багорику так её преподнесла, так расписывала, какая она чудесная, что он её уже заранее полюбил. И вдруг – повышение! Но даже не в этом дело. Опасен, мол, и всё. Такой парень! Работящий, покладистый! Барри в нём души не чает, только представьте!

- Лета сказала, он опасен? - встревожилась Айлин.

- Ну, да! Только вы меня, пожалуйста, не выдавайте, госпожа Айлин.

- Не выдам. А чем он опасен?

- Сама не понимает, в чём дело, но страшно ей. А как не верить-то? Уже не раз её страхи подтверждались.

- Надеюсь, всё выяснится. Ты не слышала, Мир не жаловался на головные боли? Может, в разговоре как-нибудь обронил?

Виктория покачала головой.

- По-моему, у него отличное здоровье.

- Значит, не такой уж он и Монца, раз дом его терпит, - пробормотала Айлин.

- Хочу признаться, госпожа Айлин, снять камень с души... Госпожа Фанни хотела мне тут как-то помочь, заодно и супы научиться варить. Так я не пустила. Не на моей кухне, сказала. Грубовато вышло, теперь переживаю. Но как вспомню тот парадный обед, руки холодеют...

- Я бы тоже не пустила.

- Правда? Значит, вы не сердитесь?

- Нет, конечно. И зачем ей что-то варить? Придумает же...

Виктория, будь добра, передай персоналу: вступаем в режим экономии. Экономим буквально на всём.

- Прячьтесь все! - расстроилась Виктория. - Барри и так нас вечно пилит...

- Хорошо, что напомнила. Назначаю его главным по экономии.

Виктория схватилась за сердце.

- Не надо, госпожа Айлин! Будет полный дурдом!

- Ну-ну, - подбодрила Айлин, поднимаясь из-за стола. -

Придётся немного потерпеть.

- Как всегда... Сначала печаль, радость потом.

В кухню вошёл Гордон с огромной охапкой первых роз - белых и розовых, крупных, душистых, в капельках росы. Айлин ахнула.

- Чудо как хороши, Гордон! А какое волшебное преобра-

жение парка... Даже не хочется уходить с прогулки. Ну, почему я раньше даже не подозревала о твоих талантах?!

Садовник сиял.

- Вы очень добры, госпожа Айлин, благодарю!

- А как соседи? Надеюсь, не причиняют неудобств? Я слышала, Шотка переехала к Антею. Пёс не мешает? Птица?

- Всё отлично! – заверил Гордон. - Хорошие ребятки. Мы с Цветой только рады. Раньше во флигеле было пустовато, Цвета целыми днями одна, а сейчас дом ожил. – Гордон понизил голос и сказал доверительно: - Своих детей у нас нет, и она счастлива, что может о ком-то заботиться. По выходным зовём их на пироги, да и обедаем вместе почти каждый день.

- Замечательно, - улыбаясь, сказала Айлин и ненадолго задержалась на кухне, чтобы посмотреть на ежиху Лялю, которая выбралась из кошачьего лаза и принялась лакать молоко из блюдца.

2

Фанни только вошла в кабинет к Айлин, как появился Лунг с сообщением, что приехал господин Кабошон, ювелир дома Монца.

- Я же могу присутствовать? – спросила Фанни, усаживаясь на диван. – По нашей с тобой договорённости, бабушка.

- У меня от тебя секретов нет...

- А лицо кислое. Не переживай, я постараюсь быть тактичной.

- Постарайся.

В сопровождении секретаря вошёл Кабошон – великан с кейсом в одной руке и букетом белых лилий в другой. Лунг по своему обыкновению устроился в уголке. Кабошон, косясь на него и Фанни, сказал:

- Я не имел возможности сделать это раньше, так как был завален работой, но сейчас позвольте поздравить вас, госпожа Монца...

- С чем? - удивилась Айлин.

- Газета «Взгляды» подробно осветила противостояние Спящей крепости и тёмной ведьмы! - взволнованно пророкотал Кабошон. - Ваше мужество, госпожа Айлин, этот брильянт в прекрасной оправе...

Айлин жестом остановила его.

- Я просто выполняла свой долг, господин Кабошон. Букет

предназначается не мне, а девушке, сыгравшей более важную роль в этой истории... - Она взглянула на Фанни.

- Я как раз собирался сказать, госпожа Фанни, что вы самая достойная наследница из всех возможных!

Смущённая Фанни приняла от Кабошона букет.

- Спасибо... Но я не...

- О чём это вы? – недовольным тоном сказала Айлин. – О каких ещё наследницах?

- Простите, сам не понял, что сказал. - Кабошон извлёк из кейса и разложил на столе перед Айлин несколько бархатных футляров для драгоценностей, разного цвета, и раскрыл их. - Ваш заказ ко дню рождения мурров выполнен, госпожа Монца. Извините за небольшую задержку.

Айлин любила заказывать подарки задолго до общего дня рождения мурров, который праздновали зимой.

- Похоже, у вас много работы? Местные заказы?

- Разные.

Айлин не сдержала саркастической усмешки.

- На душе светло, когда слышишь о благоденствии нашего общества. Я бы с радостью взглянула на список ваших клиентов, господин Кабошон, чтобы не получать отказы на благотворительных аукционах и распродажах. А то ведь отговорка одна: нехватка средств и чуть ли не нищета. - У Кабошона вытянулось лицо, и Айлин поспешила его успокоить: - Нет-нет, я не требую. Это мысли вслух. Модный ювелир-то чем виноват? – Она рассмотрела изящный медальон из розо-

вого золота, усыпанный бриллиантами. - Для Мягкой Кошки Югаев? Хорош.

- Согласно рангу, - пробормотал ещё не пришедший в себя Кабошон. – Ровно сорок пять камней чистойшей воды.

- Ровно?

- У госпожи Киши-Китоки скоро день рождения, и я подумал, что символичность не помешает.

- Если бы этот подарок мог её утешить...

- Всё так... Ужасное горе - потерять внука...

- А этот, полагаю, для Дрём-Лисов? Семейка обожает крупные изумруды.

- Слишком шикарные, - буркнул Кабошон.

- Формально, это не для них, а для Рыжей Кучки. - Айлин указала на медальон белого золота, с крупным чёрным бриллиантом в россыпи мелких. – Бастет? Я угадала? Ах, господин Кабошон, как же это красиво... Танита с её тонким вкусом оценит ваши труды.

- Я старался, - просто сказал он. - А это для Сантэ и Господин Миша. Благородная шпинель и сапфиры в вашем любимом белом золоте. Вам нравится, госпожа Монца?

- Изумительные, - сказала Айлин, рассмотрев камни, и взяла футляр с платиновым медальоном, украшенным двумя огромными жёлтыми камнями. – Как два кошачьих глаза. Для Вана? Топазы? Нет? Неужели бриллианты?

- Эвклазы, – с чувством сказал Кабошон. - Удалось купить на аукционе в Петре.

Айлин нежно погладила камни.

- Такие впечатляющие вижу впервые.

- Вынужден признаться в том же.

- И наконец? – спросила Айлин, тяжело вздохнув.

- Да. – Кабошон осторожно вынул из кейса футляр, обтянутый чёрным бархатом, и так же осторожно положил на стол перед Айлин. – Хотите взглянуть?

- Нет, но придётся.

Она тронула защёлку на футляре. Крышка взлетела с резким щелчком, и Кабошон поспешил отвернуться.

Внутри лежал завернутый в прозрачную вуаль увесистый медальон из жёлтого золота. Он был полностью покрыт искуснейшей мелкой вязью из витиеватых знаков, маскирующих девиз Тьмы. Айлин не стала вглядываться и быстро захлопнула футляр.

- Нынче без камней?

- Гравёры стали в чувствительную сумму...

- Надеюсь, никто не пострадал? У них нет родственников из наших мест? Кровь, знаете ли, не шутка, а у нас тут всё так перемешалось.

После проблем в прошлом году Айлин беспокоилась. У гравёра отнялись руки, и хорошо, что только на несколько дней.

Кабошон залился румянцем.

- Мы всё учли. Гравёров пригласили издалека и проверили самым тщательным образом, а также довели их количе-

ство до шести. Гравировали по одному символу за раз, по очереди. Кроме того, делали значительные перерывы, чтобы ослабить возможный вред.

- Очень мудро. - Айлин встала и через стол протянула к Кабошону руки. Тот вскочил, взял её суховатые пальцы в свои мягкие белые ладони и легонько сжал. Это был их своеобразный ритуал. – Вы большой мастер, господин Кабошон. Такая изящная работа, нет слов...

- Благодарю, польщён. Опыт, госпожа Монца. То, чего не хватает молодости.

- И талант! Что ж, настал миг расплаты?

Но Кабошон всё ещё не мог вздохнуть с облегчением.

- Если честно, страшусь назвать цену. Но вы же видите, все камни - первого порядка, исключительный материал.

Айлин пододвинула к нему лист бумаги и ручку и, когда Кабошон осторожно начертил несколько цифр, кивнула.

- Ерунда.

Он не смог скрыть восторга.

- Вы так щедры!

- Для моих друзей мне ничего не жалко! - громко, с выражением произнесла Айлин, и Кабошон с благодарным бормотанием принял четыре запечатанные пачки ассигнаций, которые она вынула из стола.

- Тут больше, чем нужно, - заметил он, складывая пачки в кейс.

- Можете дать сдачу. А можете назвать своих любимых

заказчиков.

Ювелир посмотрел на раскрытый кейс.

- Но ведь большой беды не будет?

- Какая беда? Одна радость. – С милой улыбкой Айлин вновь придвинула к нему лист бумаги и ручку.

- Особенно, если моё имя нигде не прозвучит...

- Это само собой.

Кабошон быстро написал несколько фамилий - Айлин взглянула.

- И Дрём-Лисы в числе первых? А я слышала, они всегда так торгуются, будто последнее отдают. – Кабошон смущённо хмыкнул. - И ещё один вопрос, господин Кабошон. Как вы считаете, если мы упакуем медальоны в эффектные авторские коробки и продадим на аукционе, их стоимость хорошо подрастёт?

- Как минимум в два раза, госпожа Монца. Но я думал...

- А если сфотографируем каждого мурра рядом с его медальоном? Да ещё сопроводим снимок отпечатком лапы? – вдохновенно говорила Айлин. – С условием: для частного использования, в закрытые коллекции?

- Это будет сенсация. Цена вырастет многократно. Но – зачем вам? – Кабошона немного смущал энтузиазм Айлин.

- Ожидаются расходы на текущие нужды...

- Что же это за нужды такие - грандиозные? – не удержался Кабошон.

- Это... нужные нужды, - пробормотала Айлин, мысленно

уже составляя список дел: Шотка займётся упаковкой, Лунг пригласит фотографа, Кабошон... Она подняла на него глаза. – На вас ближайший крупный аукцион. Внесите, пожалуйста, наши лоты в аукционный перечень. Кроме этого, конечно. – Айлин показала глазами на чёрный футляр.

Ювелир развёл руками.

- Как пожелаете.

Когда он ушёл, Фанни поинтересовалась:

- Что происходит, бабушка? Вон и Шотка всю перетряхивает твой гардероб, готовит к какому-то аукциону.

- После того как мне сказали, что противно донашивать мои вещи, - сухо сказала Айлин, - я больше не раздариваю наряды.

- Бабушка, к словам женщины, если она ведьма, нельзя относиться всерьёз.

- Нет-нет, решено, всё будет продано, и очень кстати, так как мне позарез нужны свободные средства. Во-первых, подземщики, во-вторых, надо вернуть Эдама и тетрадь, которую он... взял без спроса...

- Дядю Эдама нужно срочно найти! - оживилась Фанни. – Этому проекту я готова оказать финансовую поддержку.

- Неужели?

- Ты напрасно улыбаешься! Я, между прочим, собираюсь заключить рекламный контракт с компанией, производящей школьные принадлежности, и уже обсудила это с господином Милном. Половину он вложит в какой-нибудь бизнес, а

половину могу отдать тебе. Только на всё это требуется твоё разрешение.

- Что ж, я не против, чтобы ты рекламировала... ручки?

- Авторские школьные сумки. На каждый день – определённого цвета! Мне уже подарили набор.

- Новое сумасшествие. Но хотя бы - прощайте, бумажные пакеты. А у меня для вас новость. Объявляю в Спящей режим экономии. Максимально сокращаем расходы.

Лунг завозился в уголке.

- Не моемся и не едим.

- Я не шучу, господин Лунг!

- Хотел предупредить, что вот-вот появится Баз.

- Я остаюсь, - заявила Фанни. – Всегда хотела знать, о чём вы тут шушукаетесь. И не забывай о режиме экономии, бабушка, а то этот хомяк всегда уходит от тебя чрезвычайно довольный. А что за таинственная гравировка на медальоне для Тьмы? Можно взглянуть?

- Лучше не надо.

- Если там девиз шестого дома, так я его знаю. На колени, рабы.

Айлин передёрнуло.

- Осторожнее с такими вещами. Необязательно вспоминать по поводу и без.

- Девиз замаскирован, да?

- Скрыт орнаментом.

- Тогда зачем его наносить?

- Это часть соглашения.

- О Тьме не слышно две тысячи лет, куда же её подарки складывают?

- Заземляют. - В дверь постучали. - Войдите!

Появился Баз, молодой человек неприметной внешности, информатор и посредник Айлин. Он поздоровался и остановился посреди кабинета в ожидании, что Фанни и Лунг выйдут.

- Правила изменились, Баз, - сказала Айлин. – Наследница будет присутствовать при наших разговорах. Мой секретарь тоже.

Баз поджал губы.

- Может, и слуг пригласим?

- Если понадобится. Присаживайся, и перейдём к делу. Я хочу объявить награду за сведения о моём сыне. Будь любезен, напиши об этом в газете и сообщи по своим каналам.

- У вас же нет денег, - неприязненно сказал Баз, продолжая стоять. – Всё спустили на погорельцев.

- Деньги скоро будут, не переживай. И нам придётся обсудить ещё одну важную тему... Тему подземелий. Нужен посредник между мной и... подземщиками...

Всегда сдержанный, Баз оскалился, как хорёк.

- Ничего я не буду обсуждать!

- Что ж, тогда до свидания. – Айлин уткнулась в бумаги. В кабинете повисла напряжённая тишина. – Да, и напоследок. Ты спрашивал, что будет с теми, кто приобрел невидимые

заклинания. Ответ тот же. Пусть не применяют их во вред другим.

Взглянув на расстроенного База, Айлин только сейчас заподозрила, что это был камень в его огород. Неужели он купил что-то запрещённое?

- И меру вреда определит...? – спросил Баз, запинаясь.

- Ты знаешь, кто, - резко сказала Айлин.

- Хотел поговорить о вашей внучке... но если вы меня гоните... - Баз говорил так, будто Фанни не сидела здесь же на диване.

Айлин застыла.

- Вовсе не гоню. Просто досаую, что ты не хочешь мне помочь... Так что с Фанни?

- Спросите сами, что у них там произошло с Августинной Дрём-Лис на прошлой неделе.

- Вас это не касается! – выпалила Фанни, сильно покраснев.

Ни на кого не глядя, Баз вышел, хлопнув дверью.

- Вот и сэкономила на Базе, - злясь на себя, сказала Айлин.

- Фанни, если Баз счёл эту историю важной, тебе придётся рассказать, что случилось.

- Да ничего страшного... Просто они сговорились против меня, но эта вещь на меня не подействовала... Сантэ немного помогла...

Айлин задала Фанни ещё несколько вопросов, и её лицо тоже пошло красными пятнами.

- Что ж... Развесёлая компания Стины отправится на общественные работы. Они у меня улицы будут мести. Господин Лунг, займитесь, пожалуйста.

- Бабушка, кто тебя просит? Не лезь в мою жизнь! – взвилась Фанни. – Или я больше ничего не буду тебе рассказывать!

- Знаешь, сколько молодых людей гибнет, потому что вовремя не получили помощи? Почему ты молчала? Нельзя оставаться один на один со своим отчаянием!

- Это не мой случай!

Они долго спорили, наконец Фанни ушла, взяв с Айлин слово, что конфликт со Стиной не получит огласки.

Трясушимися руками Айлин достала деревяшку, но ей пришлось трижды вызывать Августу Дрём-Лис, пока та наконец не ответила.

- Значит, так, моя лисонька, - сказала Айлин, стараясь дышать ровно. - Будешь бегать от меня и игнорировать мои звонки – отберу мурру. В два счёта.

- Айлин, милая, из-за чего столько нервов?

- Руки не дошли обсудить ваше предательское исчезновение в тот момент, когда я так нуждалась в поддержке... когда ведьма терроризировала город и в открытую крали детей... Но будь уверена, разговор об этом ещё впереди.

- Я всё объясню! И такие хлопоты... Не верится, что ты потревожишь уважаемого чанси Лотаруса... Ведь он только что побывал у нас! – Августу пыталась перевести разговор в

русло полушутливой беседы.

- И вызывать не стану. Он у меня побывал, а вас даже видеть не захотел. Звоню, чтобы поговорить о вашей бывшей наследнице.

- Бывшей? – тихо переспросила Августа. – А-а, кажется, я поняла... Неужели это из-за стычки между девочками? Поверь, Айлин, они разберутся сами. И ещё неизвестно, кто там виноват. Конечно, я не хочу сказать, что Фанни намеренно натравила на них Сантэ...

- Замолчи и слушай! Устроили Фанни западню, применили эту вещь, хотели изуродовать - разрисовать зелёной - и вытолкать на улицу голой! Это уже слишком, Августа. Я не дала делу ход исключительно по просьбе своей внучки. Но вы с супругом подыскивайте себе другую наследницу. Или наследника.

- Ты же не всё знаешь, Айлин! Виновата эта неменяемая Вилява Выскоч! Сейчас я приеду, и мы с тобой обсудим...

- Не трудись, - отрезала Айлин.

- Пожалуйста!

- На порог не пушу. Видеть вас не могу. – Айлин отключилась. – Господин Лунг...

- Позвоню на пост, - сказал Лунг поднимаясь.

- И мне бы капель...

- Накапаю.

Глава 2

1

Яр Порох только закончил совещание и отпустил людей, как с поста охраны позвонили с неожиданным известием: пожаловали экономка и секретарь госпожи Монца.

- Выпишите пропуск, пусть поднимаются, - ответил Яр и взглянул на задержавшегося в дверях Тигреца. – Наша любимая ловисса. Интересно, что ей нужно?

- Мне тоже интересно. Останусь, если ты не возражаешь, - сказал Тигрец и вернулся за стол.

У Яра с ловиссой Длит сложились непростые отношения. Она невзлюбила его после истории, случившейся во время поисков ведьминых сообщников: просила оставить наедине с подозреваемым, чтобы допросить самой, а Яр отказал. Как выяснилось, напрасно. С тех пор ему приходилось терпеть открытую неприязнь помощницы Хозяйки. Она считала, он недостаточно хорош для своего высокого поста, не так умён и ловок, чтобы взять и за один день найти всех похищенных детей, заодно выловить ведьму и её приспешников. Он не искал должности начальника Главного полицейского управления города, а получив её, даже просился в отставку; ловисса только подогревала его неуверенность в себе, поэтому, стал-

киваясь с ней по службе, Яр злился ещё сильнее. Бесстрашная, неглупая, эта молодая женщина была загадкой, и о ней ходили разные слухи. Хозяйка её обожала и при этом всегда поддерживала Яра - надеясь, что эти двое всё же найдут общий язык.

Тигрец называл Длит не иначе как чёртовой бабой.

- Помнишь, как она нас с тобой обработала? Меня до сих пор трясёт.

- Магия, - сказал Яр и невольно напрягся, когда, поступившись, Длит и Лунг вошли.

С их последней встречи в Спящей крепости прошло не так много времени, она ничуть не изменилась: выющиеся каштановые волосы до плеч, невозмутимый вид. И красота никуда не делась. Свой военизированный наряд ловисса сменила на летний: узкие брючки, лёгкая куртка, полуспортивные туфли. Низкорослый секретарь Хозяйки вошёл с неизменно насмешливым выражением на лице. Этот тоже хорош. Завалился в офис Ассоциации по защите прав животных и при всех отрезал палец начальнику отдела. Тот за спиной Хозяйки, видите ли, награждал её прозвищами. И наказания Лунг не понёс - не поступило заявления от потерпевшего.

После того как стороны обменялись сдержанными приветствиями и все уселись за огромный стол, ловисса попросила пригласить в кабинет Младо, брата Яра. Формально, Младо занимал должность одного из его заместителей, но всё своё время тратил на статистические выкладки, имея до-

ступ к информационным базам Дубьюка.

- О чём пойдёт речь? – поинтересовался Яр.

- О невидимых заклинаниях и похищенных детях.

Пришёл Младо, знакомясь, попросил обращаться по имени, энергично пожал руку сначала Длит, потом Лунгу, долговязый, темноволосый, очень похожий на Яра, и своей дружелюбностью сразу завоевал расположение гостей.

- Итак? – буркнул Яр, уставясь на Длит.

- Господа полицейские, по роду деятельности вы расследуете разные преступления. Но меня интересуют те, что связаны с применением невидимых заклинаний. Как у вас тут поступают с конфискованными заклинаниями?

- Кажется, уничтожают. В любом случае, информация секретная.

- Напоминаю, господин Порох, мы делаем одно дело.

Всем на ум пришла история в Холодной слободе, где между ловиссой и Яром случился конфликт.

- Ладно, сходите к Бескарсу, - после короткого раздумья сказал Яр. - Он у нас возглавляет отдел, который занимается преступлениями, связанными с применением магии. Дальше по коридору, кабинет двадцать два.

Длит обрадовало предложение.

- Ещё мне нужно, чтобы вы обследовали семьи, в которых были похищены дети.

Ещё... мне... Журчит тут, как ручей. Яр едва сдерживал раздражение.

- Что мы исследуем?

- Состав семей, особенности, необычные детали, если они есть... возраст, пол детей... в общем, нужно собрать всё, что можно. Буду признательна.

- Зачем вам эти данные?

- Открылись новые обстоятельства. Трое слуг из новеньких сбежали из Спящей в день расправы над ведьмой. Мы очень нуждались в охранниках и горничной, и я приняла их на работу без должной проверки. Сейчас разыскала. Оба охранника участвовали в ритуалах. От них мы узнали, что детей похищали согласно списку. Кроме пятерых похищенных на площади Мурров в День всех кошек, конечно. Там хватали без разбора.

Это известие всех поразило.

- Похищали по списку? У ведьмы был план? - переспросил Яр.

- Именно. Поэтому я прошу помощи, чтобы установить, по какому принципу отбирались дети.

- Родственники из долины? Магические способности? Я бы исследовал семьи до третьего колена, - предложил Младо.

- Отлично, - одобрила Длит.

- Большая часть детей погибла, - вступил в разговор Тигрец. - Но были те, кого держали как заложников.

- Да. Дети из знатных семей... Нилли Бастет и с ним ещё трое... Благодаря обострившемуся слуху Фанни их нашли в запертых покоях Спящей. Возможно, Младо не зна-

ет - Фанни слышала голоса ещё пятерых детей за пределами Спящей, но слухачи запретили ей выходить из крепости, и мы с полицией не смогли пойти по следу. Но вот что важно: эти дети не плакали, на следующий день были даже веселы, как утверждает Фанни.

- Веселы? Я этого не знал, – удивился Тигрец.

- Я тоже, - сказал Яр. – Так может, они до сих пор живы? Тигр, у нас ориентировки на них разосланы, но ты пошевели всех. Пусть транспорт проверяют тщательнее. И чтоб фотографии на каждом заборе! Информаторов заинтересуй.

- Чем?!

По знаку Длит секретарь достал из внутреннего кармана пиджака толстую пачку ассигнаций и положил перед Яром. Тигрец обрадовался.

- Совсем другое дело! Но послушайте... Были ещё дети, которых увели туда, где воет ветер... - Он смотрел на Длит. - Помню ваши слова, что их оттуда не вернуть, а ведьме ни к чему было заниматься такими делами. Получается, не только ведьмина шайка занималась похищениями. Или они вдобавок ко всему поставляли детей третьим лицам. Погибшие дети, заложники, пятеро детей, которым ничто не угрожало, и те, кого увели вслед за ветром... Четыре группы?

- Совершенно верно. Возможно, групп больше. Ещё одна просьба, к Младо. Очень нужны планы подземных ходов. Я понимаю, информация невероятной секретности, но, может, стоит попытаться?

- Поищу в базе Ассоциации.

- При условии, что госпожа Монца позволит, - сквозь зубы сказал Яр.

- Айлин позволит, - так же холодно ответила Длит.

- Мы должны арестовать слуг, которых вы разыскали. Где они?

- Девчонку втянули в ведьмины дела, запугали. Она только помогала затыкать кошачьи ходы. А охранниками уже занимается другое ведомство.

- Какое?

- Думаю, они валят деревья.

Яр взглянул на Тигреца и Младо и поднял брови, но те опустили глаза.

- Послушайте, госпожа ловисса, мне понятно ваше желание разобраться во всём досконально, но, прежде чем беречь родительские раны, мы должны быть уверены, что поступаем правильно, что на это нас толкает жёсткая необходимость.

- А без наших расспросов родители, конечно, живут спокойно. Потеряв детей. Думаю, сейчас их больше всего волнует, кого из похитителей вы нашли и кого наказали. Не в обиду, Порох, но после всего случившегося ты со своим так называемым Управлением должен бегать по городу как ошпаренный, а не сидеть тут и греть стул. Не рано ли расслабились, господа полицейские?

Кто-то оставил на столе листок с повесткой прошедшего

совещания. Длит придвинула его к себе и, пробежав глазами, с отвращением отшвырнула. Яр покраснел до корней волос. Повестку составлял его секретарь, но это ничего не меняло, они действительно обсуждали аттестацию и награждение лучших сотрудников, месячник чистоты и прочее. В висках застучала кровь, Яр прохрипел:

- Больше не приходи сюда...

- Арестуешь меня? - Длит и Лунг поднялись одновременно.

- Мы поможем, госпожа Длит, - неожиданно вмешался Младо. – Обращайтесь по любому вопросу.

- Благодарю, - с неожиданной теплотой в голосе ответила она. – Ждём результатов. Долго ждать, кстати?

- Дня три. Это быстро.

- Отлично. Была рада познакомиться.

Лунг достал из кармана и вручил Младо деревяшку.

- Для связи.

- Ого! – протянул Младо, с интересом рассматривая дорогой подарок. Одна деревяшка стоила, как электромобиль.

Когда Длит с Лунгом ушли, разъярённый Яр уставился на младшего брата. Тот пожал плечами.

- Ну, а что? – Он достал обычный телефон и набрал номер. – Бескарс, ты у себя? Встречай гостей. Ловисса Хозяйки. Не слышу радости в голосе! Ага. - Младо рассмеялся. - И тебе того же.

- Вообще-то, Яр, она права. Дела с розыском у нас идут

хреново, - сказал Тигрец.

- Я тебя спрашивал?! – рявкнул Яр.

Тигрец поднялся.

- Разрешите идти?

- Ладно, извини... Что хотел сказать?

Тигрец сел.

- Яр, мы, конечно, можем считать, что всё улеглось, раз ведьму убили, но это не так. Неслучайно болтали о конце света. Первая атака точно удалась. Знали, твари, как надавить. Люди работали на ведьму из страха потерять детей. Даже со знатных семейств трясли фамильные секреты. Югаи вон внука лишились.

- У нас же там свой человек, вроде? - сказал Яр. – Как они?

- Принцесса хотела руки на себя наложить, но Хозяйка её отговорила. Теперь оттачивает своё боевое мастерство, прыжки и удары. Ритуальный нож точит. Прямо с утра начинает: вжик-вжик! Когда найдёт, в кого метнуть, за внука, тот не увернётся, она клятву дала. Так вот, о ведьме. Говорят, похвалялась могущественными друзьями. И ещё, мол, скопила целую кучу заклинаний. И где они? С собой-то точно не забрала. Кто их разыщет и против кого направит?

- Что предлагаешь?

- Надо нам приспособиться к этой Длит. Мне она тоже не очень, но что делать? У соседей двоих детей украли, иду мимо - глаза прячу.

- А что она несла про охранников? Деревья валят... Чушь

какая-то...

- Ну, ты даёшь. Их грохнули, Ярко. Это из мифологии. Грешники в Хадесе валят железные деревья. Да и слава Мау. Нам меньше работы.

- Кто грохнул? Почему мы не знаем?!

- У меня спрашиваешь? Её спроси!

- Ярко, брат, - сказал Младо. – За полгода отдел Бескарса собрал сорок два трупа, помеченных знаком Хранителя - красной точкой посередине лба. Прямо скажем, многовато. Связано, конечно, с шумихой осенью, когда Хранители временно нас не контролировали. Тогда бойко торганаули заклинаниями. Кто поумнее, после возвращения Хранителей спрятал заклинания подальше, а остальные... они теперь у Бескарса в холодильнике. Я к чему? Вы знаете, что знак Хранителя вызревает шесть месяцев, такой у него побочный эффект, очень для нас полезный. Экспертизу проведут на днях, как и положено, но у Бескарса глаз намётанный, он не сомневается, что знаки везде аутентичные. Так вот. Помните, с месяц назад пошли слухи про Хранителя? Мол, ходит среди нас? Одиннадцать из сорока двух погибших применяли - давно и злостно - не абы какие, а невидимые заклинания, и все одиннадцать погибли совсем недавно. Хранителям невидимые заклинания не по зубам - только если кто-то из них выслеживает нарушителей, находясь прямо здесь, в Дубьюке. Спорю на что угодно, ловисса Длит и есть Хранитель. Удивляюсь, как вы до сих пор не поняли. У неё же на лице

написано. Она Хозяйку зовёт по имени.

Яр только шумно выдохнул, а Тигрец потрясённо выругался.

- Так я и думал, что с этой бабой какая-то подстава...

- Чего психуете? – сказал Младо. - Совесть нечиста? Применяете невидимые заклинания в ущерб сообществу?

- Почему я психую?! – драматически возвысил голос Тигрец. – Да она нам самим в любой момент пропуск выпишет... на лесоповал... Вот почему я психую!

- Если она действует по протоколу и честных людей не трогает, просто подружитесь с ней, и всё.

Яр облокотился о стол и прикрыл глаза рукой.

- Разве такой угодишь? - Он взглянул на брата. - А как ты узнал, что погибшие применяли невидимые заклинания?

- Вычислил по некоторым признакам. Ну, и у Бескарса удалось кое-что выяснить. Например, одна якобы гадалка брала бешеные деньги за то, чтобы простым сглазом лишить чью-то соперницу красоты. А сама реально из женщин уродин делала, такое поганое заклинание у неё было. Ну, и умерла страшилой. Остальные погибшие ей под стать. Один ушёл на тот свет с носом до подбородка. Бескарс расспрашивал членов семьи, так две девочки рассказали, что папа им в наказание на полдня нос отращивал, если плохие оценки приносили.

Тигрец выругался.

- Значит, она его так наказала? Зеркальный ответ?

- А как ещё объяснишь? Помните, в прошлом году доставили из Алофы молодую девчонку-утопленницу с волосатым лицом? Среди убитых Хранителем, ну, этой Длит, такой тоже нашёлся, только полностью в волосах, на теле живого места не осталось. Бескарс раскрутил, что у него было невидимое заклинание и он отомстил девчонке за то, что предпочла другого.

- Одни уроды кругом, - сказал Яр. - Как только заклинание в руки попадёт, дуреют от своей силы.

- И не говори, - мрачно подхватил Тигрец. - Сколько лысых с задницы на голову волосы пересаживают, по три мурра волосок, нет бы помочь людям... Ладно, с волосами понятно, а заклинание, удлиняющее нос? Кому это нужно, слону?

2

У кабинета Бескарса Длит тронула Лунга за руку.

- Останься здесь. Я слышала, человек он непростой. Если кого невзлюбит, это навсегда. Ну, ты понимаешь. Хочу произвести хорошее впечатление.

- А я мешаю?

- Нет, конечно. Но ты смешливый. Вдруг его такие раздражают?

- Тебя заботит его мнение?

- Он для нас ценен примерно так же, как Младо. Как Баз.

- Я понял.

Длит постучала и вошла.

В полупустой комнате был расстелен огромный мягкий ковёр, на единственном столе лежала аккуратно сложенная стопка папок. Здесь не было даже шкафа для бумаг, лишь к столу был придвинут дополнительный стул. У высокого, почти до пола, окна, обрамлённого тяжёлыми портьерами, стоял вполоборота невысокий седой человек в мешковатом костюме.

Длит задержалась на пороге. Хозяин кабинета тоже как будто чего-то ждал, глядя в окно. Потом он медленно повернул голову, обратив к гостье измождённое, в шрамах, очень мрачное лицо, и пристально посмотрел на неё.

Длит слышала о личной трагедии этого человека. Жена

Бескарса заболела чем-то вроде проказы - но не проказой. Когда узнала, что болезнь неизлечима и её ждёт высылка в специализированное заведение, покончила с собой - совсем недавно. Детей у них не было.

Дождавшись приглашающего жеста, Длит закрыла за собой дверь и села на стул.

- Хороший у вас кабинет. Легко дышится.

- Люблю простор, - ответил Бескарс, устраиваясь за столом. - А то заставят шкафами, и дохни тут.

- Меня зовут Длит.

- Я слышал, да.

- Не буду ходить вокруг да около, господин Бескарс.

Вы расследуете дела, связанные с применением заклинаний. Можете рассказать, как действует ваш отдел?

- В основном, подбираем за Хранителями трупы. Опрашиваем свидетелей, выясняем обстоятельства.

- Заклинания вам достаются?

- Редко.

- Печати?

- Ни разу. Разочарованы? Всё мгновенно оказывается у подземщиков. Они ловчее нас, и информаторы у них лучше.

- А случаи, связанные с невидимыми заклинаниями?

- Действуем так же. Иногда информаторы сообщают. Или какой-нибудь житель напишет заявление, что к нему применили магию. Статья Уголовного кодекса называется «Злоупотребление силой». Хорошо, что невидимые заклинания

дороги и редки, иначе город погряз бы в судебных разбирательствах.

- Слышала, у вас тут уже пару лет осуществляется программа по оцифровке старых дел. Я подумала, что можно найти преступление с одним почерком столетней, к примеру, давности, и понять, что здесь замешана магия.

- Людей не хватает, - вздохнул Бескарс. - Работа идёт, но медленно.

- Младо выглядит заинтересованным. Давайте все сплотимся? - Бескарс в ответ соорил ничего не выражающую гримасу. - Также я слышала, что у вас в отделе есть человек, который, просматривая новые дела, сразу отмечает те, что не проходят проверку на магию, - он не чувствует её присутствия. Как ему это удаётся?

- У всех есть секреты, - усмехнулся Бескарс.

- Тогда о другом. Видите ли, меня мучает вопрос, может ли стихийная магия, ведовство, победить магию кошек.

- Ведьма сильнее мурров? Давно служу, но о таком не слышал. Ведьмины дела - сглаз да порча. Хотя... Недавние события показали, что диапазон её возможностей намного шире, так ведь? Ведьма вполне способна насылать разные несчастья, даже смерть, или обернуться животным.

- К сожалению, мы точно не знаем, какие из заклинаний ведьмы из Спящей крепости были стихийными, а какие невидимыми...

Бескарс понимающе кивнул.

- Придётся вам разбираться самой, так как мне действительно больше ничего не известно. Но почему вы спрашиваете?

- Меня волнует безопасность мурров.

На самом деле, причина была не только в этом. Длит неожиданно столкнулась с несколькими случаями, когда браслет чувствовал присутствие магии, но не мог её скачать - словно она была иной... Это и пугало и настораживало. Поэтому Длит прощупывала, что Бескарсу известно об этой иной магии.

- Вы, конечно, слышали, что в Дубьюке существует и другая сила? - спросил Бескарс.

- Демоны?

- Да. Они достались нам от селившихся здесь Древних. Когда-то давно один человек сказал мне, что есть демон... скажем так: на букву Д. Он способен бесповоротно поглотить одинокого мурра.

Длит была неприятно поражена.

- Можно подробнее?

- Знаю только, он из тех, что оборачиваются человеком.

- Встречали таких?

- Может, и встречал. Кто поручится, что они не ходят среди нас?

- Как мурры и демоны уживаются?

- Обычно избегают друг друга. Но если демоны вторгаются в Спящую, мурры к ним безжалостны. В хранилище Спя-

щей, наверное, немало сплюсненных демонов?

- Наверное. Это организованная сила или они индивидуалисты?

- Ни то и ни другое. Демон выбирает и поклоняется сильному человеку, кому-то одному. Не знаю подробностей.

- Тогда направьте меня к тому, кто знает.

Бескарс откинулся на спинку стула.

- О божьи лапы! Зачем вам? Вы и так ходите по краю.

- Судя по шрамам на лице, вы тоже.

- Госпожа Длит, предупреждаю, они жестоки и опасны.

Лучше с ними не сталкиваться.

- Столкнусь рано или поздно. Поэтому хочу знать, как их победить.

Бескарс смотрел с жалостью.

- Ваше право.

- Какой-то безрадостный у нас получился разговор о демонах.

На его изувеченном лице впервые мелькнуло подобие улыбки.

- Видел, как справились с демоном.

- Ну, вот, уже веселее.

- Я тогда только начинал служить. В одной семье пошли непонятные дела: испорченные продукты, глубокие царапины на теле новорожденного ребёнка, а в бутылочке с молоком земля. Подозревали старшего мальчика, решили, он ревнует родителей. Те прибегли к телесным наказаниям. Маль-

чишка в бега. В семье всё успокоилось. Беглеца нашли и вернули - несчастья возобновились. Мать стала неадекватной, всего боялась, уходила из дома, а потом сама не понимала, как могла оставить без присмотра младенца и парализованную бабушку. До правды всё же докопались, когда позвали знахарку из долины. Та пришла, посмотрела. Старушку, сказала, немного поправлю – чтоб говорить могла, но больше ничего не просите. И денег не взяла. Оказалось, в дом навевалось существо, которое видела только та самая парализованная бабушка. А как бабулю подлечили, она рассказала, что происходит. Бездетная соседка из зависти вызывала демона. Мы с напарником как раз зашли узнать, нет ли чего нового, а там девчушка лет пятнадцати на пару с бабушкой больной воюют с демоном. «Вон он, в форточку пролез, вражина, - бабушка говорит. Она его видит, мы нет, у нас не было нужного заклинания. – Крутится, - говорит бабуля, - малого ищет. Шиш тебе, а не малого!» Они в люльку положили скатанное одеяльце. А девчонка, смелая такая, безрассудная, встала посреди комнаты и приговаривает: «Крутила баба веретено, да шерсть кончилась, доила баба корову, да молоко вышло, пусть у тебя всё кончится, пусть у тебя всё выйдет!» Потом схватила из распоротой подушки горсть пуха и возле люльки дунула с ладони. И вдруг из воздуха материализовался чертёнок весь в пуху. Девчонка начала бросать в него иголки - бросает по одной и в глаза целит. Он заметался, повалил её, стал кусать. Она кричит, мы растерялись,

стоим, как дураки... От бабушки старенькой больше пользы вышло. Она со скалкой лежала, запаслась оружием старушка, ну, и швырнула в него. Сильно его разозлила. Он на неё, а она не боится, заехала ему кулачком прямо в пятак. Он к окну... растворился в воздухе, и только осколки полетели. А эти хохочут, одна покусанная, другая лежачая.

- Вам не страшно было?

К Бескарсу вернулась его меланхолия.

- Нет. Имейте в виду, демоны-молочники и кошатники по-серьёзнее этого, с рылом. Этот только пакостил, убить бы не решился, а вот остальные да, при условии, что примут человеческий облик или облик животного. По-настоящему сильные демоны не показывают истинное лицо, прячутся, а то бы их давно поубивали.

- Кто поубивал бы?

- Те, у кого есть на это сила, - уклончиво ответил Бескарс.

- Слабые места?

- Все, даже самые грозные, признают силу человеческого духа. Она действует как противоядие.

- Тут смешно, - сказала Длит.

- Вовсе нет. Старушка это знала. Но опаснее всех существа, которые появились во время первой войны с кошками.

- Сколько их... осталось?

- Эта тайна мне недоступна. В любом случае, хорошо, что они крайне редко показываются людям.

- А мяуны?

- Вреда от них нет. Не конфликтные, прячутся под землёй. Почему у меня ощущение, госпожа Длит, что вы меня тестируете? Что вам давно всё известно? - Бескарс выделил слово давно.

- Ну... может, что-то новое узнаю! Висяки у вас тут случаются?

- Конечно, мы же нормальные люди. Что, хотите пример?

- Хорошо бы.

- В прошлом году в театре случилось ограбление. Во время спектакля с дамы в партере сняли баснословной стоимости колье с чёрными бриллиантами, а она даже не почувствовала. Слева сидела её взрослая дочь, справа - пустое место и проход. Пропажу она обнаружила внезапно, во время спектакля, в темноте. Колье тяжёлое, а тут странная лёгкость на шее. Дама не стала дожидаться антракта, подняла шум, спектакль остановили, включили свет. Входы в зал, как обычно, были заперты, а как раз напротив ряда, где она сидела, находился пост, с которого охранник никуда не отлучался. Обыскали всех и вся. Опросили тех, кого сочли нужным. Меня известили, когда стало понятно, что без магии не обошлось.

- Почему место рядом с потерпевшей пустовало?

- Муж не смог поехать.

- Дочь? – спросила Длит.

- Чиста. Ни мотива, ни сомнительных контактов, следили в течение месяца.

- Мурр Мемфи Вана одно время похищал драгоценно-

сти...

- Мурров в театре не было. Да и как бы он снял колье незаметно?

- Зал наверняка с ярусами? Может, дрон? Невидимый дрон? – Длит поморщилась. - Глупое предположение. Куда он потом делся? А если в театре тайник?

- Помещение сканировали на протяжении недели.

- Тайник из железного дерева сканеры не просветят.

- Но сам тайник обнаружат.

- Демон? Впрочем, я сказала глупость.

- Да. Демоны воруют души, а не вещи. Скорей всего, применили эту вещь. Вместе с колье пропала программка спектакля, которую дама держала на коленях, возможно, заклинание было записано в ней. Прочитала и отключилась.

- Вора никто не видел, и колье не нашли, - уточнила Длит.

- Так.

- И много похожих краж?

- Больше ни одной.

- Ловко всё обставили... Одним заклинанием не обошлось.

- Применили два или даже три, - согласился Бескарс. – Может, даже какое-нибудь супер-заклинание невидимости для самого ожерелья.

- У меня возникла версия, которая всё объясняет, причём, без магии и дронов-невидимок. - Длит улыбалась. - Бриллианты были застрахованы, дама пришла в театр в копии колье,

напечатанного на принтере из сладостей, и в темноте они с дочкой его сжевали.

Бескарс рассмеялся.

- Вместе с программкой из сахара?

- Не было программки. Её приплели, чтобы запутать следствие. Семья в плюсе: и колье при них, и страховку получили.

- Остроумно, - сказал Бескарс, глядя на Длит с симпатией.

- Но мы проверили их долги и банковскую ячейку. Мимо. А главное, колье не было застраховано. Пришлось бы платить колоссальные взносы по страховке, и они решительно отказались.

- Досадно. Может, расследуем вместе какое-нибудь дело?

- Всё может быть.

Длит встала и через стол протянула ему руку.

- Благодарю вас.

Он поднялся и ответил на рукопожатие. Рука его была тверда.

На пороге Длит обернулась.

- Вы слышали о человеке по имени Тильд? Вдруг упоминался в сводках?

- Нет, не помню такого, - подумав, ответил Бескарс. - Потерялся?

Длит молча кивнула.

- И как тебе Бескарс? - спросил Лунг, заводя мотор.

- Он хорош.

- Что узнала?

- Освежила в памяти сведения о демонах. Некоторые из них, действительно, могут оборачиваться людьми или животными, и не их подобием, как в Хадесе, а такими, что от настоящих не отличишь. И тогда могут убить человека. Один из демонов, имени его не сказали, только, что оно начинается на Д, способен бесповоротно поглотить одинокого мурра.

- Они сильнее, чем мы думали, - озабоченно сказал Лунг.

- Возможно поэтому нижние избегали или избегают конфликтов даже с самыми завалыми демонами.

- А если у них договор?

- Чёрт! Чёрт! Я так на них рассчитывала! Добить меня хочешь? Ричард для этого мне тебя подсунул?

- И ещё чтобы я за всё платил, заметь. Я подозреваю худшее, Длит, потому что не люблю сюрпризов.

- Ты прав, конечно. Ещё мне показалось, Бескарс меня... побаивается. Странно. Почему?

- Потому что ты без башни.

- Кто бы говорил. А знаешь, Бескарс сам такой. Похож на демона, только печального и изувеченного. Такая боль в глазах... Его в Дубьюке ненавидят не меньше меня. Выслеживает, вынюхивает, ловит. Кому понравится? Все уверены, что жену заразили из мести. Лунг, надо нам завоевать его доверие... умаслить...

- Стольких нужно умаслить, что никакого масла не хватит, - проворчал Лунг.

Глава 3

1

Через день информатор из надёжных связался с Длит по деревяшке, которую она сама ему дала. В старом затоне затевалось кое-что подходящее, нужно быть на месте через два часа. Длит овладело смятение. Она давно ждала этого момента, но её будто схватили за горло. Непросто сообщать своему злейшему врагу, что ты жива, вместо того чтобы бежать без оглядки...

Из Спящей крепости она доехала на такси до городского продуктового рынка, там под наблюдением прыщавого подростка, следовавшего за ней по пятам, вошла в первый попавшийся магазинчик и выскользнула через чёрный ход незамеченной - активировала на браслете опцию Невидима. Она привыкла, что за ней следят почти открыто. С её возможностями уходить от погони было легко, но вызов вполне мог оказаться ловушкой. Сколько раз её пытались убить, пять, шесть? Кажется, гораздо больше.

Побродив по рынку, она залезла в знакомый грузовичок с открытым кузовом, доехала до фермы в компании с пустыми молочными бидонами, а там по лугам добралась до затона.

Темнело. Река только угадывалась за густым ивняком.

Близость большой воды выдавал плеск волн и прохлада. Закат окрасил розовым нежилой домик бакенщика и подгнившие мостки, по которым Длит не рискнула бы пройтись.

Она бывала здесь раньше. Место казалось заброшенным, но в густой траве вились тропинки, в прибрежных кустах пряталась привязанная лодка. Вокруг носились тучи комаров. Подавала голос одинокая птица, словно предупреждая всех своим робким теньканьем, что солнце садится, а значит, пора прятаться. Выбрав удобную точку обзора, Длит уселась на лужайке с вытоптанной травой.

На тихую заводь опустилась ясная летняя ночь. Взошла луна, густо высыпали звёзды. Браслет создавал вокруг Длит защитный слой, и она могла не бояться, что к ней подкрадутся незамеченными. Невидимая для других, сама она видела в темноте, как кошка.

Долго ждать не пришлось. Освещая путь фонариками, на лужайку вышли двое. Рослый парень нёс металлическую клетку-переноску, держа её за припаянное кольцо. Его спутница - невысокая пухленькая девушка в лёгком платье - вскрикивала, отбиваясь от комаров:

- Ой! Ай-я-яй!

- Не споткнись.

- Думаешь, я неуклюжая, Брис? - перебросив со спины на грудь толстую косу и поправив её, кокетливо сказала девушка, довольно милая.

- Ничего я не думаю.

Они остановились посреди лужайки, в двух шагах от наблюдавшей за ними невидимой Длит.

- Ой!

- Надо было намазаться.

- Я мазалась... Ойййй!

- Никому не говорила? У нас, янтарщиков, порядки строгие.

- Нет, что ты! Мне можно верить. Я надёжная. Ой!

- Хватит ойкать.

- Извини...

- Да нет, - одумался парень, - это ты извини, что ходим тут да ещё по темноте. Понимаешь, мне и так влетит. Рака поймал и до сих пор не сдал, к тебе торопился. Этот рак, Лиана, особенный. Я на нём деньги сделаю.

- Правда?

- Янтарники выползают на месяц раньше обычных раков, а у первых самый дорогой хитин. Работаю по специальному разрешению, ну, там, семейные секреты про рачьи норы... Короче. - Он поставил клетку под ноги девушке. - Вот тебе ориентир, чтоб с места не сошла, когда всё начнётся.

- А мне не будет больно? - с тревогой спросила девушка. - Ой!

- Скажешь тоже. Голова закружится или затошнит... пустяки. Главное, не останавливайся, читай дальше, по слогам и с выражением. Чтоб каждая буква звучала чётко. Лиана... Красивое у тебя имя.

- Я и сама ничего, - прошептала она, с обожанием глядя на Бриса.

- Точно, - сказал он, погладив её по щеке, но отстранился, когда она к нему потянулась.

- А поможет твоя магия, Брис?

- Глянь на меня. Я пиво люблю. Если б не эти буковки, был бы в два раза толще.

- Я талию хочу потоньше и грудь поменьше.

- Хм. Грудь много не бывает. Загадай желание, а потом читай. Всё получится! – Брис игриво добавил: - Ты у нас, Лиана, станешь стройненькой и гибкой, как лиана.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.